

A detailed movie poster for the film 'Black Flowers'. The central focus is a close-up of a woman's face, her eyes wide and looking upwards. She is surrounded by a dense, lush garden of various flowers, including pink lilies and orchids, with green leaves and dew drops. Several insects are visible: a large brown spider on a leaf to the left, a blue beetle on a leaf in the top right, and a large black centipede in the bottom right. The overall atmosphere is mysterious and slightly unsettling.

НИКОЛЬ ЛЕСПЕРАНС

ЧЁРНЫЕ ЦВЕТЫ

ЭТОТ ОСТРОВ БЕРЁТ ВСЁ, ЧТО ЗАХОЧЕТ

#СУМРАЧНЫЙВЕТЕР

Сумрачный ветер. Мистика, ужасы, изнанка миров

Николь Лесперанс

Чёрные цветы

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лесперанс Н.

Чёрные цветы / Н. Лесперанс — «Эксмо», 2022 — (Сумрачный ветер. Мистика, ужасы, изнанка миров)

ISBN 978-5-04-194987-7

Аделин Спенсер повезло: она осталась жива после несчастного случая на соревнованиях по фридайвингу. Чтобы помочь дочери отдохнуть и отвлечься, мама берёт её в поездку на тропический остров. Адди ждут пляжи с белым песком и лазурной водой, пещера с подземным озером, заросшие лианами развалины старого дома в джунглях... и знакомство с потрясающим парнем. Кажется, даже сам остров рад новой гостье: птицы выкрикивают имя Адди, цветы при её приближении меняют окраску. Это место похоже на волшебный сон, но девушка не может избавиться от тревоги. Адди кажется, что маленькая девочка, которую она видела в лесу, — призрак. И что призраки ещё не самая страшная тайна этого острова...

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-194987-7

© Лесперанс Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	35
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николь Лесперанс

Чёрные цветы

Nicole Lesperance
The Depths

© 2022 by Nicole Lesperance

© Погосян Е. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящается Кирану

Глава 1

Я не могла оторваться от видеозаписи своей смерти, выложенной в интернет. Мама твердила, что это ужасно и я не должна на это смотреть. Я понимала, что она права, но каждую ночь, прежде чем заснуть, я накрывалась с головой одеялом, убавляла звук телефона до шёпота и сворачивалась калачиком над крошечным экраном. Достаточно было нажать лишь первую букву моего имени – остальное выпадало само.

Аделин Спенсер. Несчастный случай на соревнованиях по фридайвингу¹.

Переполненная людьми лодка качается возле квадратного участка океана, отгороженного белыми пластиковыми трубами. Ослепительный тропический день, аквамариновые волны отражают солнечный свет. Я как раз должна закончить погружение на шестьдесят три метра – глубину, равную девятнадцатипятиэтажному дому. Ни груза, ни ластов, всё зависит только от моего тела.

Все кричат.

Не от восторга. *От ужаса.*

На линзу объектива попадают капли воды. Трое ныряльщиков – моих страхующих дайверов – вырываются на поверхность и тащат меня за собой. Мои глаза распахнуты и неподвижны, рот разинут.

– Дыши, Адди, дыши!!! – кричат они.

Но я не дышу. На видео вода и паника, изображение пёстрое из-за морской соли. Камера наезжает на моё лицо, фокусируясь на розовой пене, стекающей из угла рта. Тонкая струйка делается всё толще, розовый цвет сменяется алым, и все в лодке замолкают. Мама бросается в воду и плывёт ко мне прямо в нарядном летнем платье. Её широкополую шляпу уносит в открытое море.

Один из спасателей вытирает кровавую пену и прижимается ко мне ртом, резко выдыхая воздух мне в лёгкие.

– Дыши! – надрываются все в лодке. – Адди, давай же! Дыши!

Я слышу их сейчас, но не слышала тогда. Это никак не укладывается у меня в голове. И заставляет прокручивать видеозапись снова и снова. Я вижу себя: вижу своё тело – но не думаю, что нахожусь внутри его. Я не понимаю, что это значит, куда я могла уйти, если внутренняя сущность покинула моё тело. И всё из-за собственной глупости: вместо того чтобы отвернуться от пережитой боли и идти дальше, я пытаюсь прорваться сквозь неё.

Запись кончалась на том, как меня поднимают в лодку. Мне сказали, я была мертва в течение восьми с половиной минут. Но я не помню ни яркого света, ни бесконечного туннеля, ни тепла, ни безусловной любви, которые, как это принято считать, ждут нас после смерти. Не было ни ада, ни рая, ни чего-то другого между ними. Просто из моего существования пропали пятьсот десять секунд. Я упрямо жала на кнопку «пуск», снова и снова прокручивая запись, но так и не приблизилась к разгадке. Мне не давал покоя вопрос, ответа на который не было.

Куда я тогда ушла?

¹ Фридайвинг – подводное плавание с задержкой дыхания. Эта самая старая форма подводного плавания до сих пор практикуется как в спортивных, так и в коммерческих целях (*здесь и далее примеч. переводчика и редактора*).

Глава 2

Остров Евлалии имел форму полумесяца, внутренняя дуга представляла собой полосу сахарно-белого песчаного пляжа под сенью качающихся пальм. За пальмами начинался лес, столь густой и полный жизни, что для него явно не хватало простого слова «зелёный». Запах гниющих водорослей и тропических цветов, заполнивший нос и лёгкие, был таким густым, что хотелось откашляться.

Рядом со мной стоял принайтовленный² к причалу гидроплан. Перелёт от Санта-Томаса был долгим, над бесконечной чередой островов, становившихся всё меньше и всё ниже, так что под конец пропали из виду и последние клочки песка. Ещё долгое время мы парили в безоблачном небе над бесконечным простором океана, окружённые одной лишь синевой. И мне стоило немалых усилий подавлять то и дело возникавший порыв распахнуть дверцу самолёта и ринуться в эту синеву.

Но я этого не сделала. И вот теперь мы здесь. На нашем личном острове, который станет моей тюрьмой на следующие две недели. Я – пятое колесо в экипаже мамино медового месяца с человеком, носящим шорты цвета хаки и ремень с тиснёнными китами. Она ужасно боялась оставлять меня одну после травмы из-за несчастного случая, и я, хоть и не признавалась в этом, тоже была рада, что меня взяли с собой.

– Ну же, детка! – Мама призывно махала мне с пляжа одной рукой, другой обнимая за талию Дэвида. Мне казалось неправильным, что какая-то двадцатиминутная церемония делает меня чьей-то дочерью, пусть даже приёмной. Но мама планировала этот медовый месяц чуть ли не год, и я не собиралась разрушать её планы. Я стянула с запястья резинку и скрутила потные каштановые волосы в узел на макушке.

– Не стесняйся, Адди. – Кен Карпентер, бородатый смотритель острова, помогал пилоту сгружать с гидроплана наш багаж. – Мелинда проводит вас в дом и всё покажет, а потом мы принесём вещи.

– Вот увидишь, тебе понравится! – Его жена, женщина в бесформенном кафтане с начинающими седеть волосами, ободряюще мне улыбнулась. Похоже, все здесь успели узнать о том, что со мной случилось, и это одновременно смущало меня и облегчало ситуацию – по крайней мере, не требовалось объяснять постоянно повторяющиеся приступы жёсткого кашля. Оставив позади гидроплан – и эту невероятную бирюзовую воду, в которую мне не дано было погрузиться, – мы пошли по пляжу. Каменная дамба выдавалась в море ещё дальше, чем пирс, и на её конце стоял белый маяк.

Запах цветов так усилился, что я ощущала его на вкус: приторный, липкий, с какой-то чуть ли не гнилотной ноткой. Он делался всё гуще по мере приближения к лесу, и я громко сглотнула, а потом сделала шумный вдох.

Не кашлять!

– Разве это не прекрасно? – повторяла мама. И я кивала ей с приклеенной улыбкой.

– погоди, ты ещё не всё видела, – подхватил Дэвид, хотя он сам никогда не бывал здесь раньше.

Мелинда повела нас по утоптанной тропе сквозь чащу леса, и под плотными лиственными сводами нам пришлось ждать, пока глаза привыкнут к царившим здесь сумеркам. Мама схватила меня за руку.

– Ох, Адди, взгляни!

Белые цветы распускались буквально повсюду: гибискусы, лилии, амариллисы и ещё куча каких-то, названий которых я не знала. Они закрывали собой кусты, пробивались сквозь почву

² То есть привязанный.

под ногами, карабкались по деревьям на гибких лианах. И не было ни одного цветка, ни одного бутона не белого цвета. Я сделала глубокий медленный вдох, неистово борясь с одышкой. Я *не испорчу* эту поездку! Только не после того, как чуть не заставила маму отменить свадьбу.

– Очень мило, – выдавила я.

Мелинда отвела от лица цветов.

– В лесу очень влажно, но вы не расстраивайтесь. В доме всегда лёгкий сквознячок.

Я замедлила шаг, чтобы отдышаться, чувствуя жаркие солнечные лучи, пробивавшиеся через прорези в гигантских веерах над головой. Воздух звенел от тысяч птичьих голосов, хотя я не видела ни одной птицы. Интересно, они все такие же белые, как здешние цветы? Несмотря на их красоту, мне не терпелось поскорее попасть в дом, где обещанный сквозняк выдует наконец из лёгких этот цветочный дух.

Впереди Мелинда, Дэвид и мама уже поднимались по каменной лестнице, но я не чувствовала в себе достаточно сил на такой подъём. Лицо горело и мёрзло одновременно, а перед глазами плясали чёрные точки. Я наклонилась, опираясь руками на колени. Если уж я смогла научиться не дышать в течение семи минут, я могу научиться не кашлять. Я могу научиться снова быть здоровой. Это лишь вопрос контроля. Победа духа над плотью. Постепенно желание очистить лёгкие отступило, я выпрямилась и прислонилась спиной к толстому стволу старого дерева.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на дыхании и стала мерно дышать, стараясь успокоиться. Я потянулась к внутреннему центру, к точке тишины, но, как и всегда в последнее время, только разбудила память о катастрофе. На меня налетел рой тревожных мыслей, жаливших напоминаниями о том, что я теперь другая. Что *я стала* другой, хотя до сих пор и не имею понятия, что со мною случилось, пока я оставалась мёртвой.

Что-то вырвало меня из задумчивости, вернув в наполненный цветами лес. Я поняла, что здесь стало слишком тихо. Даже птицы замолчали. Не было слышно гуденья насекомых. И тут за спиной у меня раздался шелест, и детский смех взорвался, как будто открыли музыкальную шкатулку.

– Кто здесь? – окликнула я.

Волоски на шее поднялись, как будто под чьим-то взглядом: но если за мной кто-то следил, он легко мог укрываться в этом хаотичном сплетении растений. То есть стоять буквально на расстоянии вытянутой руки – и я всё равно никого не увижу.

– Эй! – повторила я. – Кто здесь?

И снова зазвучал этот смех, тонкий и какой-то визгливый, совершенно не похожий на птичью трель. Это смеялся человек.

Листья вдруг зашелестели, и я отпрянула от чёрного кота, выскочившего из-под покрытого белыми цветами куста. Он задел мою ногу и понёсся вверх по лестнице, а у меня так перехватило дыхание, что пришлось снова нагнуться, опираясь на колени.

– Кайло, негодник! Ты опять удрал? – голос Мелинды пробился через призрачную неподвижность леса. Мало-помалу паника отступила, хотя кожу на затылке по-прежнему покалывало. Но смеялся явно не кот. Я была уверена, что это был детский смех.

– Кто здесь? – опять крикнула я.

Лес в ответ молчал.

Глава 3

Домики – если вы готовы назвать домиком несколько крытых тростником бунгалов, связанных переходами, – располагались на плоском утёсе, обращённом к океану, на южной оконечности острова. Ближе к лесу был устроен бассейн в окружении шезлонгов и растений в кадках, ещё более редких, чем те, что росли в джунглях. И все они тоже были усыпаны белыми цветами.

Дэвид сам был владельцем сети дорогих отелей, и вместо того чтобы провести медовый месяц в одном из них, они с мамой решили отказаться от всего, что напоминало бы о настоящем отеле, – чтобы ему было легче отключиться от работы. Я толком не знала, как они вообще нашли этот остров, для этого явно необходимо было знать кого-то, кто уже успел здесь побывать.

Было довольно странно в один миг стать очень богатой. Я так и не привыкла ни к массивному, полному мрачного эха особняку, где мы теперь жили и где у Дэвида имелась коллекция шикарных винтажных авто, ни к его манере платить за что угодно, даже не спрашивая о цене. И в какой-то мере эта тропическая глушь, или оазис на острове – как вы его ни назовите, – внесла в мою жизнь свежую струю. Дэвид не был мне отцом, и я не хотела привыкать к избытку комфорта и роскоши в его далёком от реальности образе жизни. Я всего лишь брала его взаймы до тех пор, пока мне в следующем году не исполнится восемнадцать и я не начну самостоятельную жизнь. Что бы сейчас ни происходило – это лишь временное отступление от нормального существования.

Мои пальцы нащупали серебряный образок на цепочке на шее и пробежались по чертам святого Брендана. Я не религиозна, но это небесный покровитель моряков и ныряльщиков. И я носила его как талисман на удачу. Теперь он стал напоминанием о том, чего я не смогу больше делать. Врачи твёрдо заявили, что я не должна нырять до тех пор, пока лёгкие не восстановятся полностью, и что на это уйдут месяцы, а то и годы. А может, этого вообще не случится.

– Адди! – меня звала Мелинда с порога одного из бунгалов. Внутри над морем из синей плитки гордо плыла высокая белоснежная кровать. Стеклопакетные двери с тюлевыми занавесками открывались на внутренний дворик на краю скалы с видом на океан.

– Твоя мама сказала, ты любишь синий. – Она поправила в вазе лилии величиной с мою голову. – Вот мы и решили, что это бунгало понравится тебе больше всего, но если захочешь, только скажи, и мы перенесём твои вещи, куда пожелаешь.

– Здесь замечательно. – Я скинула босоножки и с удовольствием почувствовала под ногами прохладный пол. – А у вас тоже есть свой дом?

– Мы живём на маяке, – улыбнулась в ответ Мелинда.

– Ух ты, потрясающе! – Никогда не думала, что такое возможно, но внезапно мне ужасно захотелось жить на маяке, чтобы кругом были лишь вода и небо.

– Нам нравится, – сказала она. – Приходи, когда захочешь, там прекрасный вид с самого верха.

Порыв ветра приподнял занавески. За распахнутой задней дверью бунгало зашелестела листва и закачались ветки кустов. У меня резко закололо в груди. Я поднесла руки ко рту, чтобы задуть приступ кашля, но не успела. На синей плитке появились алые капли. Мелинда снова возилась с цветами, и я наступила на пятно крови, чтобы она не увидела.

– А у вас есть... дети? – прохрипела я, вспомнив детский смех в лесу.

– Двое мальчишек. – Мелинда сорвала с лилии увядший лепесток и вздохнула. – Билли пятнадцать, и он сейчас принесёт сюда твои вещи. Ну а что касается его старшего брата, Шона, надеюсь, что он ещё покажется, хотя его невозможно оторвать от бесконечных видеоигр. Ты ведь знаешь, как это бывает.

Мне вообще не хватало времени на видеоигры или телевизор... точнее, раньше не хватало – но я всё равно кивнула.

– И больше на острове никто не живёт?

– Никто, – сказала Мелинда. – Пока вы здесь, он остаётся вашим личным раем.

Меня покорило это слово. Рай – одно из возможных мест, куда я должна была попасть после смерти, но не попала. И каким бы великолепным ни был этот остров, он не мог стать для меня раем без погружений в воду. Не говоря уже о том, что в раю не место необъяснимому издевательскому смеху, который я слышала в лесу. Это могла оказаться птица – я понимала, что в джунглях водятся самые странные виды, – но это не делало перспективу слышать этот смех в течение двух недель более приятной.

На пороге возник костлявый белобрысый мальчишка с моим чемоданом. Он оказался сантиметров на пять ниже меня, и судя по тому, как он переминался босыми ногами, ему было не по себе.

– А вот и он! – воскликнула Мелинда. – Адди, это Билли.

– Приятно познакомиться, – сказала я.

– И мне. – Его веснушчатая физиономия залилась краской. – Куда это поставить?

– Можно на кровать, спасибо. – Я не привыкла, чтобы меня обслуживали другие люди, и, наверное, полагалось дать ему чаевые, но почему-то мне показалось это неправильным.

Билли с натугой поднял чемодан, прежде чем плюхнул его на кровать, так что заскрипели пружины. Он театральным жестом вытер пот со лба.

– Ты что, возишь в нём кирпичи?

– Билли! – одёрнула его мать, но я не удержалась от смеха – пожалуй, первого настоящего смеха после катастрофы.

Не кашляй!

– Ну, вообще-то я привезла специальное оборудование для кузницы, – ухмыльнулась я. – У вас ведь здесь найдётся приличная наковальня?

– Спрашиваешь! – расхохотался Билли. – Она внизу, на площадке для сквоша.

– Адди, здесь нет ни площадки для сквоша, ни наковальни. – Мелинда закатила глаза. – Надеюсь, это не станет проблемой?

– Определённо нет. – Пожалуй, я бы выкашляла себе все лёгкие, если бы попыталась играть в сквош. – А в чемодане у меня кое-какие проекты, которыми я собираюсь заняться здесь, пока нет интернета.

Мой психотерапевт советовал отнестись к этой поездке как к возможности выяснить, кто я такая на самом деле – то есть та часть меня, которая не является ныряльщицей. И хотя я сомневалась, что такая часть вообще существует, я привезла кое-что для таких занятий, на которые у меня обычно не хватало времени. Альбом и набор цветных фломастеров. Наполовину выполненную вышивку, над которой было легко представить себя персонажем романа Джейн Остин. Рабочие тетради для изучения французского, немецкого и китайского языков. Набор для оригами. Руководство для садовода... Проблема заключалась в том, что я не особо разбиралась ни в одном из этих дел, и вместо того, чтобы успокаивать меня, они вызвали приступы сильной тревоги. Мама считала, что мне просто не хватает терпения, но при одной мысли о том, что я такая нетерпеливая, я впадала в депрессию.

– На маяке у нас есть самый медленный в мире интернет – если тебе понадобится, – сказал Билли. И хотя он всё это время не двинулся с места, его ноги пребывали в непрерывном движении.

– Круто, спасибо, – сказала я, и он снова покраснел. Что-то запищало у него в кармане, и он вытащил рацию.

– Да, слушаю, – ответил он.

Послышались помехи и какие-то слова, неразборчивые из-за треска в эфире.

– Сейчас буду. – Билли пожал плечами и спрятал уоки-токи в карман.

– Просто крикни нам, если что-то понадобится, – улыбнулась Мелинда. – Ах да, тут на днях для тебя пришла открытка. Она на столике у кровати.

Я взглянула на открытку и почувствовала, как похолодело внутри.

– Большое спасибо.

– Увидимся, – сказал Билли.

Наконец все ушли, и я вытерла кровь на полу. Потом взяла открытку и легла на кровать. Это была фотография золотых песчаных гор над безбрежным бирюзовым морем. И в самом центре океана темнела глубокая синяя дыра.

Внизу стояла подпись: «Дахаб».

Обе мои лучшие подруги, Иви и Миа, сейчас тренировались в Египте: на весь июль у них были запланированы погружения с нашим тренером. Я тоже должна была нырять с ними. Но вместо этого я умерла и теперь оказалась в аду. Стараясь справиться с тошнотворным отчаянием, я перевернула открытку.

Здесь всё бесподобно, но мы успеваем только есть, спать и тренироваться. Хоть бы Грант дал нам свободный уик-энд, чтобы осмотреться!

Но без тебя всё не так.

Ужасно скучаем без тебя!

И+М

Я отдала бы что угодно, чтобы оказаться сейчас в Дахабе – пусть даже без свободного времени на достопримечательности и красоты побережья. Иви и Миа были не просто моими лучшими подругами, но и самыми жестокими соперницами, и с каждым днём пропасть между нами только росла. Я прикована к этому острову и не знаю, чем занять своё время, а они становятся сильнее и выносливее. Грант утверждал, что одна из нас непременно побьёт мировой рекорд, и это должна была быть я. Но с таким отставанием мне ничего не светит.

С горьким вздохом я отбросила открытку прочь, и она спланировала под шкаф. Закрыв глаза и представив себя на берегу в Египте, я проделала цикл дыхательных упражнений, которые вроде бы должны были помогать восстанавливаться лёгким, но вместо этого лишний раз напоминали, в какое жалкое подобие себя прежней я превратилась.

* * *

На ужин мы ели холодное куриное жаркое и картофельный салат, заботливо припасённые Мелиндой в холодильнике с парой бутылок ледяного белого вина. Дэвид с мамой едва успели одолеть половину первой бутылки, с удобством расположившись за стеклянным столиком на краю террасы. Деревянная лестница вела с нашего утёса к узкой полосе пляжа, неразличимого из-за края скалы. Морской бриз почти полностью развеял цветочные ароматы, но воздух по-прежнему оставался настолько влажным, что вызывал у меня кашель.

– Ты была права насчёт этого места, Керри. – Дэвид чокнулся своим бокалом с мамой и снова откинулся в кресле. – Я уже помолодел на десять лет.

– Я заметила. – От маминой игривой улыбки у меня всё сжалось внутри. Эта поездка была задумана не для меня, и как бы я ни старалась быть снисходительной, есть вещи, которые не получается примерять на собственную маму. Она поднесла бокал к губам. – Посмотрим, что ты скажешь на второй день жизни без интернета.

Дэвид многозначительно посмотрел на меня и ответил:

– Всем нам эта изоляция пойдёт на пользу.

Он явно намекал на то, что мне пойдёт на пользу, если я перестану вновь и вновь крутить видео собственной смерти, но готова поспорить, он и сам залип бы на такое кино с собой в главной роли. Дэвид не скрывал, что считает избранный мной вид спорта слишком опасным и маме следует вообще запретить тренировки, но мы с нею пришли к соглашению, что не будем спешить и посмотрим, как я буду восстанавливаться. А я непременно собиралась восстановиться и не нуждалась в советах кого-то третьего.

«Не огрызайся на Дэвида. Не порти им первый вечер на острове. Не кашляй».

Он пододвинул ко мне пустой бокал и позвенел по нему бутылкой в качестве предложения мира.

– Дэвид! – встрепелась мама, но он отмахнулся.

– Не бойся. Вряд ли она сегодня сядет за руль. – Он подмигнул мне, на подбородке у него блеснула капля майонеза, и я снова удивилась: неужели теперь он моя семья? Прежде чем мама отняла у меня бокал, я успела сделать хороший глоток. Терпкая ледяная жидкость приятно охладила раздражённое горло. Я и не заметила, как бокал опустел, и всё как-то смягчилось, и я больше не хотела кашлять, но готова была проспать трое суток подряд. Может, даже до самого отъезда с острова.

Дэвид собрал посуду и вернулся со второй бутылкой. На этот раз он налил только себе и маме. Она выпрямила под столом ноги, уложив их ему на колени, и мне пришлось отвернуться, но тогда смотреть приходилось на прекрасное бесконечное море, в которое я не могу нырять.

– Пожалуй, пойду спать, – сказала я.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Мамин лоб тут же прорезала беспокойная морщинка.

– Да, просто устала. А вы наслаждайтесь вечером, ладно?

«Только, пожалуйста, не так громко, чтобы я ничего не слышала». От этой мысли я невольно стиснула зубы. Между нашими бунгало находилось ещё несколько построек, и я молча поблагодарила за это Мелинду.

– Смотри не проспай! – напомнил Дэвид. – Утром Кен поведёт нас гулять по острову.

– За свои семнадцать лет Адди ни разу не проснулась позднее семи утра, – рассмеялась мама. – Ни разу. Люблю тебя, милая!

– И я тебя. – Я послала ей воздушный поцелуй, вежливо помахала Дэвиду и поплелась к бунгало размером больше нашей квартиры. Когда я включила свет, заработал вентилятор на потолке, разметав по полу лепестки лилий. Не обращая на это внимания, я почистила зубы в ванной, отделанной синей плиткой, и надела пижаму: светло-серые шорты и топик. Даже измученная дальним перелётом, я не верила, что смогу заснуть без ставшего привычным видео. Я снова проверила телефон. Сигнала не было, да и аккумулятор почти сел.

На столе возле вазы с лилиями была приготовлена целая стопка открыток, но я пока не чувствовала в себе силы писать ответ Иви и Мие. Мне надоело прикидываться, будто всё хорошо, чтобы не расстраивать других людей.

В изножье кровати я обнаружила маленький букетик, перевязанный стебельком травы. Кажется, раньше его здесь не было. Я взяла букет, и что-то выпало из него. Сколопендра длиной с мой указательный палец. Взвизгнув от испуга, я отбросила букет и стряхнула тварь с кровати. Она шлёпнулась на пол с каким-то чавкающим звуком, и я не удержалась от слёз, следя за тем, как проворно она скрылась в тени. И нечего было реветь. Подумаешь, насекомое! Я вытерла слёзы и забралась под холодные простыни.

Я хочу домой. Я хочу жить как прежде. Я хочу вернуться назад во времени и целиком изменить день, когда я умерла. Хочу исправить все свои ошибки. Повторяя упражнения для дыхания, я старалась восстановить в памяти прекрасную погоду и сверкающее море. Острую боль в левой пазухе, которую я игнорировала, позволив силе тяжести увлечь меня на морское дно.

Боль нарастала, делалась всё сильнее, независимо от того, сколько бы я ни выравнивала давление в ушах. На критической отметке в тридцать шесть метров рассудок затуманился и возникло жуткое ощущение, будто глаза вылезают из орбит. Я попыталась выровнять давление в последний раз, на этот раз с помощью другой техники. Я знала, что это не лучшая идея, поскольку мне придётся запустить в пазухи морскую воду. Наш тренер недаром строго-настрого запретил использовать такой приём. Произошла последовательность ужасных ошибок, которые не следовало совершать. А потом всё вышло из-под контроля.

Память перескочила на видео из интернета, только вместо смартфона оно прокручивалось в голове. Мой раскрытый рот и тусклые рыбы глаза. Вода плещет вокруг лица, рябит на подбородке. Розовая пена. Крики.

Адди, на которую я смотрю, их не слышит.

Я их не слышу.

Я не слышу.

Я ничего не слышу.

* * *

Позже, когда мой матрас промок от пота, на край кровати присела мама. Она провела пальцами по моим влажным волосам, распутывая пряди и напевая странную песню, которую я никогда не слышала.

– Дай мне попить, пожалуйста, – пролепетала я.

Она не ответила, я протёрла глаза и всмотрелась в темноту.

Это не мама сидела на кровати. Молодая женщина с гривой выющихся тёмных волос, обрамлявших такое измождённое и бледное лицо, что оно походило на череп. Я охнула от испуга и села.

Женщина исчезла.

Глава 4

Я включила ночник. В комнате никого не было: только я да сколопендра, которая, скорее всего, так и сидит где-то в тёмном углу. Стеклянные двери на задний двор заперты. Невольно вздрогнув, я выключила свет. Наверняка это был просто сон, совсем как те беспорядочные, безумные кошмары, что стали повторяться после несчастного случая. Врач считал, что это нормально после такого шока, однако я не могла отделаться от мысли, что мозг превратился в самостоятельную часть тела, над которой у меня больше нет власти.

Было ещё не так поздно, как мне показалось, – едва миновала полночь. В спальне стояла ужасная духота, не помогал даже вентилятор, и кожа стала такой липкой, что я решила встать под душ в надежде, что вода избавит меня от неприятных ощущений. В темноте призрачно светились лепестки лилий, а их сладкий запах был невыносимым. Снаружи океан шептал, шептал что-то своё. Выпутавшись из влажных простыней, я отперла дверь.

Звёзды перемигивались между собой от одного края неба до другого. Всё пропахло солью, цветами и влагой. Я сама не поняла, как оказалась на лестнице, спускающейся к морю: вокруг царила такая сказочная красота, что это казалось сном. Когда-то в детстве я ходила во сне: просыпалась в самых странных и неожиданных местах. Однако этого не случалось со мной уже много лет. И пока я плавно спускалась по ступенькам, фонари возле бунгало скрылись из вида и им на смену пришло сияние луны и звёзд.

«Иди к нам», – шептали волны.

И я скользила вниз, пока мои ноги не зарылись в песок, и я не останавливалась, пока тёплая вода не заплескалась у пояса. Может быть, я всё ещё сплю? Если это сон, я могу не останавливаться. Я погружусь в самое сердце океана, и ничего не случится.

Волны ласкали меня, и шептали, и звали в глубину, и я шла вперёд, погружаясь в песок. Вода поднималась всё выше, вымывая боль из груди, делая тело таким лёгким! Я снова была дома. Я легла на спину, и волосы расплылись широким ореолом. Галактика над головой манила своей бесконечностью и казалась скорее белой, чем чёрной.

Меня подхватило лёгкое боковое течение, и я не сопротивлялась. Медленно проплывал мимо песчаный берег, окаймлённый тёмной полосой пальмовых зарослей. Липкий аромат цветов был и тут, но справляться с ним помогал вкус соли на губах.

Я сплю, я сплю и вижу это во сне, и нет никакой боли.

Даже время замедлилось и растянулось, пока я качалась на волнах, но вот среди тёмных силуэтов пальм на берегу возникла новая тень. Это был человек: юноша сидел на песке, подтянув к лицу колени. Я опустила ноги на дно и остановилась.

– Билли? – окликнула я.

Он словно и не слышал меня.

Я подплыла ближе, держась по шею в воде. Он казался больше Билли, мускулистее, и был одет лишь в чёрные шорты. У него были пепельные волосы, а плечи тряслись совершенно диким образом. Наверное, мне следовало испугаться незнакомого подростка ночью на чужом острове, но он плакал. Я подплыла ещё ближе.

– Шон?

Он вскинул голову. Лет девятнадцать-двадцать, глаза расставлены так же широко, как у Билли, но лицо уже потеряло детскую округлость. Слёзы на щеках сверкали серебром в лунном свете, и его красота поразила меня с первого взгляда.

– Привет? – неуверенно окликнул он.

Это было так странно: выбираться из океана среди ночи, словно сказочное создание, – но в том случае, если я всё ещё сплю, ничего странного в этом нет.

– Ты – Шон? – спросила я, выходя к краю прибоя.

– Ну да. – Он дико уставился на меня, на мою промокшую пижаму. – А ты, что ли... настоящая?

«Конечно, настоящая!» – следовало ответить именно так, но вместо этого я сказала:

– Иногда я бы хотела, чтобы было наоборот.

Я не имела в виду, что не хочу существовать вообще. Но я бы точно не хотела существовать в этом уродливом параллельном мире, в котором я не могу погружаться в океан. А теперь, посмотрев, как я умерла, я к тому же стала сомневаться в важности своего существования.

Шон долго молчал с непроницаемым лицом и наконец ответил:

– Я тоже.

Шёпот океана по-прежнему был полон обещаний и тайн, но я не хотела снова плыть по течению – пока не хотела. Я прошла по песку и села рядом.

– Я Адди, – представилась я, хотя он не спрашивал.

– Ты показалась мне похожей на тюленя, Адди, – сказал он.

– Вот как? – рассмеялась я.

– Ты так двигалась, пока плыла, – кивнул он. – Как будто для тебя это более естественно, чем ходить по земле.

– Так и есть. – И я вцепилась руками в песок.

– Я не ожидал встретить кого-то вроде тебя, – признался он, и моё сердце разбилось на тысячу острых осколков. – Разве сюда не собиралась пара стариков на медовый месяц?

– Собиралась, – сказала я. – Это у моей мамы медовый месяц. А со мной произошёл... несчастный случай, и хотя врачи считают, что мне больше ничего не грозит и нужно просто отдохнуть, прийти в себя, мама побоялась оставлять меня на целых две недели. Она вообще хотела отменить поездку, но это было так важно, что я уговорила её поехать. Но она заявила, что поедет только в том случае, если возьмёт меня с собой, и так... – Мне пришлось проглотить комок в горле, чтобы не раскашляться. – И вот я здесь. Полный провал.

– Ну, может, не совсем полный. – Он едва заметно улыбнулся, и у меня внутри будто лёд начал таять.

– Адди! – мужской голос прозвучал так неожиданно, что мы чуть не подскочили. Дэвид. Мой новый папа. Мне тут же захотелось вернуться в сон, я захотела убежать в океан.

– Милая! Ты здесь? – мамин голос дрожал от испуга: кажется, мне всё же удалось испортить её медовый месяц. На другом конце пляжа по воде шарил луч от фонаря. Я встала и отряхнула песок, налипший на ноги.

– Лучше я пойду. Мне не полагается вот так гулять.

– Мне тоже. – Шон тоже встал. Он оказался выше, чем я считала, плечи широкие и прямые, и я тут же подумала, хорошо ли он плавает. Он так всматривался в моё лицо, словно старался удостовериться, что я настоящая, несмотря на все слова. – Ты не могла бы не рассказывать о том, что видела меня здесь? – спросил он.

– Конечно. Конечно, я могу. – То, что он так внимательно меня разглядывает, совсем не раздражало, но слова почему-то давались с трудом.

– Аделина Эвери Спенсер! – мама перешла на самые верхние ноты.

– Иду! – Я оглянулась на Шона и спросила, покраснев: – Мы ведь... ещё увидимся, правда?

– Надеюсь. – Он снова едва заметно улыбнулся и пошёл к воде.

– И ещё мне жаль, – добавила я.

– Чего? – Он уже стоял, обернувшись, по колено в воде.

– Что что-то заставило тебя плакать.

– А, это ерунда, – мягко рассмеялся он.

– Адди! – мама уже буквально завывала. – Аделина!

– Да здесь я! – Луч фонарика метнулся ко мне. Я обернулась, чтобы попрощаться с братом Билли, но он уже успел уплыть – лишь голова мелькала над волнами.

Глава 5

Когда я проснулась, в вазе стоял букет бледно-розовых лилий. Сначала я подумала, что Мелинда тайком пробралась в мою спальню и поменяла цветы, но лепестки, так и лежавшие на полу, тоже порозовели. А заодно с ними и букетик, в котором пряталась сколопендра. Я погладила образок святого Брендана. Это место и поражало, и одновременно пугало меня.

Было очень легко поверить, будто приключение на пляже мне приснилось, что это лишь плод моего воображения, но на коже всё ещё оставалась соль, а влажная пижама висела в ванной. Наскоро приняв душ, я вытащила из стопки открытку и нашла ручку.

Привет, Иви и Миа!

Остров Евлалии прекрасен. Я боялась, что поездка превратится в пытку, но в итоге всё оказалось не так плохо. Передавайте привет Гранту. Скучаю!

Адди

Я вышла на террасу. Никто пока не проснулся. Облака на горизонте светились по краям рыжим и золотым, и воздух был полон несравненной утренней свежести. В лесу за бунгало белые цветы тоже стали розовыми. Интересно, к вечеру они снова побелеют? Трудно поверить, что это тот самый лес, который вчера показался мне таким мрачным. Сегодня остров стал райским островом на все сто, как сказала бы Мелинда.

Вот интересно: изменит ли Шон своим привычкам и выйдет из комнаты, зная, что я здесь? Его присутствие сделало поездку немного интереснее, хотя мне по-прежнему гораздо сильнее хотелось в Дахаб. И вообще это не лучшая идея – замутить с совершенно незнакомым парнем, я не собиралась делать ничего такого. Мне просто... было любопытно.

У меня есть проблемы гораздо серьёзней. Я раскатала коврик для йоги, растянула цепочку и положила образок на пол. Для того чтобы восстановиться, надо набраться сил. На угол коврика уселась стрекоза. Её тонкое брюшко отливало перламутром, а прожилки на крыльшках были того же розового оттенка, что подвядшие лепестки цветов.

Несколько раз набрав полную грудь воздуха, пропитанного ароматом цветов, я начала серию упражнений для начальной ступени Аштанга-йоги. Мои руки взлетали, как крылья, чтобы охватить всю синеву небосвода, а потом я наклонялась вперёд, словно ныряя в море. Сосредоточившись на растяжках и сокращениях мышц, я отрешилась и от оглушительных птичьих трелей, и от бесконечных мысленных диалогов. И хотя успешнее всего помогало про-чистить мозги погружение под воду, эти упражнения производили похожий умиротворяющий эффект. Где-то на задворках разума по-прежнему царапались мысли о смерти, но постепенно я избавилась и от них.

Ещё одна стрекоза, уже с розовым брюшком и белыми прожилками на крыльях, заняла место на противоположном краю коврика.

– Доброе утро, милая!

Я потеряла равновесие и покачнулась. Стрекозы упорхнули.

– Как ты себя чувствуешь? – Мама уже устроилась в шезлонге с чашкой кофе, скрестив длинные загорелые ноги.

– Хорошо. – Я упёрлась ладонью в коврик и попыталась восстановить нарушенную позу.

– Ты заметила, эти цветы изменили оттенок? – спросила она. – Глазам своим не верю!

Когда тело сложено в двух разных плоскостях, говорить не очень удобно, так что я ограничилась согласным бурчаньем.

– Мелинда только и твердит, какой особенный этот остров, но я даже не представляла, насколько! – Мама рассмеялась, и всё лицо её засияло от радости. Я не сумела припомнить,

когда в последний раз такое видела. Наверное, она могла бы быть так же счастлива в день свадьбы, если бы не переживала из-за меня. А я была слишком занята, стараясь кашлять кровью в платок так, чтобы никто не заметил.

Я выпрямилась и стала делать длинные выпады и наклоны вбок. Стоило взмахнуть рукой, и в груди возникала острая боль. Но если я продолжу дыхательные упражнения, гимнастику и растяжки, если я буду укреплять своё тело, оно обязательно выздоровеет. Я ни за что не сдамся.

Мама передвинулась на край шезлонга и сказала:

– Я просто хотела тебя поблагодарить.

– За что? – Наклон в другую сторону – и в груди снова закололо, точно в том же месте. Пожалуй, стоит больше заниматься дыхательными упражнениями.

– За то, что развлекаешься с нами и согласилась сюда поехать.

В данном случае развлекаться с кем-то означало позволить им выбирать те рестораны, которые тебе не нравятся, а также отказаться от поездки в Египет, на которую копила деньги целый год, и главное – от мечты всей моей жизни. Но это не вина моей мамы.

– Я серьёзно. – Мама подошла к зеркалу, отражавшему мою позу, так что мы видели в нём друг друга, хотя смотрели в разные стороны. – Это было нелегко для тебя во многих смыслах, но ты ни разу не пожаловалась. И скажи, ты уверена, что чувствуешь себя хорошо?

– Да. – Я широко расставила ноги и наклонилась вперёд так, что коснулась лбом коврика. Она обошла меня и повторила мою позу так, чтобы видеть меня между своих ног. Ожерелье из кусочков дерева упало ей на лоб, и мы обе рассмеялись.

– Ты ведь сразу скажешь мне, если почувствуешь что-то не то, правда? – Она откинула ожерелье и усилила наклон. Моя мама занималась йогой с девяностых годов. И это было исключительно её увлечением – пока я не обнаружила, что навыки йоги помогают при погружениях в воду. Она была в восторге, когда я тоже стала ходить на занятия, хотя в последнее время предпочитала более щадящие упражнения, чем я.

– Правда, – ответила я. Так открыто врать во время занятий йогой казалось очень неправильным, ведь эти практики должны выявлять в человеке самое лучшее. Но в моём случае самым лучшим было дать маме получить удовольствие от медового месяца после всего, через что мы прошли. Я резко выпрямилась, и мир вокруг закружился и покачнулся из-за оттока крови от головы.

– Доброе утро, йоги! Или вам положено говорить «намасте»? – Дэвид прошлёпал на террасу, облачённый в любимые шорты цвета хаки и футболку с принтом какой-то замшелой группы. Она могла бы показаться крутой, если бы не была так накрахмалена и отглажена.

– Здравствуй, милый, – пропела моя мама, и я вдруг подумала: она и с папой говорила так же? Может быть, ещё до моего рождения, до того, как они стали постоянно ссориться?

Диафрагму свело от усилий, когда я снова сделала наклон вперёд, держа руки за спиной. *Не кашляй! Трудись, выздоравливай!*

– Ты не забыл свои таблетки от сердца? – спросила мама.

– Ни в коем случае, – заверил Дэвид. – А ты не видела мой бинокль?

– Я точно знаю, что мы брали его с собой. – Мама сунула ноги в шлёпанцы, и они удалились с террасы. Я попыталась снова сосредоточиться на йоге, но у меня ничего не вышло, а от липкого аромата тропических цветов защипало в носу. И тут же разыгрался сильнейший неуправляемый приступ кашля. На бетонном полу заалели капли крови. Возле них присели белые и розовые стрекозы: они как будто трогали мою кровь передними лапками. Пробовали её. Пробовали... Я зажала рот одной рукой, а другой смахнула их с пола.

– Хм. Ты в порядке?

Я обернулась: это Билли неловко переминался с ноги на ногу возле куста, усыпанного младенчески розовыми соцветиями. Я тут же пожелала никогда в жизни больше не слышать этот вопрос.

– Это в порядке вещей после спадения лёгких, – буркнула я, стараясь не смотреть на те частицы своих внутренностей, которые сейчас оказались снаружи. – Видел бы ты, что из меня вылетало, когда я кашляла недели две назад.

Он приподнял козырёк оранжевой бейсболки и всмотрелся в меня:

– Ну и жёсть!

Но тут распахнулась дверь на террасу, и Билли поспешил опустить козырёк на лицо.

– Доброе утро, мистер Донован!

– Пожалуйста, зови меня Дэвид. – Дэвид повесил на шею бинокль устрашающих размеров и придержал дверь для мамы, надевшей свою шляпу с широкими полями. – Что, пора на экскурсию?

– Внизу у лестницы ждёт папа с гольф-каром, – ответил Билли. – Если вы готовы.

– Адди, тебе нужно что-нибудь взять с собой? – спросила мама.

«Ааа-ди-ди, – вдруг завела птица где-то в лесу, и другая тут же подхватила: – Ааа-ди-ди!»

У меня по коже пошли мурашки. Вчера я не слышала ничего похожего на эти трели, да и во время занятий йогой тоже. Они же как будто...

Нет. Совершенно очевидно, они не могут звать меня по имени. Это всё из-за жары, и духоты, и колотья в груди: у меня путаются мысли.

– Детка? – От прикосновения маминой прохладной ладони к потной коже я чуть не подскочила. – Ты готова?

Я заставила себя вернуться в реальный мир и подобрала с пола образок.

– Да, только пойду обуюсь.

Глава 6

– Приветствую вас, господа Донованы! – Кен сидел за рулём шестиместного гольф-кара, а вокруг цвели розовые кусты.

– Я не Донован, – буркнула я, плетясь следом за всеми вниз по лестнице. Шон так и не появился – и это, наверное, не должно было меня удивлять, с учётом того, как Мелинда отзывалась о нём и его видеоиграх. Да, он сказал, что мы ещё увидимся, но я могла оказаться недостаточно интересной, чтобы менять ради меня свои привычки.

«Ааа-ди-ди, – упрямо заливалась невидимая пичужка. – Ди-ди! Ди-ди!»

Никто больше не замечал, что птицы зовут меня по имени. Я заслонила глаза от солнца и всмотрелась в чашу. Ничего не было видно, но я не могла избавиться от чувства, что они там, в ветвях: следят за мной. Какая чушь! Иногда кажется, мой мозг так и не восстановился после того, как я побывала мёртвой.

Дэвид устроился рядом с Кеном на переднем сиденье, мы с мамой – на средних, а Билли взгромоздился на обращенную назад скамейку.

– Неужели все цветы на острове дружно меняют цвет за одну ночь? – спросила мама.

Кен снял гольф-кар с тормоза, и мы двинулись вперёд.

– Похоже на то, верно?

– Это нормально? – удивилась я.

За моей спиной расхохотался Билли:

– На острове Евлалии нет ничего нормального!

От его тона стало очень не по себе.

Резко вывернув руль вправо, Кен повёл гольф-кар по тропе в направлении, противоположном вчерашнему.

– Билли хотел сказать, что это место уникальное. Вы ведь нигде больше не увидите, чтобы цветы вот так разом становились розовыми. – Он жестом подчеркнул свои слова и поспешил снова схватиться за руль, чтобы удержать машину на тропе. – Но иногда случается ещё что-нибудь эдакое. Это всё только прибавляет очарования нашему острову.

– Он и правда очарователен. – Мама провела рукой по веткам куста, мимо которого мы проезжали, сорвала самое роскошное соцветие амариллиса и воткнула под ленту на своей шляпе. Я лишь понадеялась, что в этих цветах не прячется сколопендра. Или стрекоза.

– Но есть же другие... – начала было я, но меня перебил Дэвид:

– А как этот остров получил своё название?

Кен прибавил скорость, и мы вписались в поворот. В воздухе повис насыщенный запах озона: жара наверняка перевалила за сорок. А влажность очень большая. Я едва ворочала головой, как будто в сиропе.

– Мы с Мелиндой провели небольшое исследование, когда только начали здесь работать, – ответил Кен. – И оказалось, что остров назван в честь загадочной юной особы, жившей в восемнадцатом веке.

– Как увлекательно. – Мама подалась вперёд. Из цветов на её шляпу капал то ли сок, то ли нектар. Меня так и подмывало сорвать их и выкинуть подальше в кусты.

– Примерно в 1760 году торговый корабль под названием «Фортуна» пропал на обратном пути из порта Тортола, – принялся рассказывать Кен. – Никто не знал, как это случилось. У них были и карты, и навигационные инструменты, однако корабль сбился с курса.

– И в итоге оказался здесь, – вмешался Билли.

– И в итоге оказался здесь, – повторил Кен. – На то время это был неизведанный, не нанесённый на карты необитаемый остров.

– Не то чтобы совсем необитаемый... – поправил Билли.

Кен снова принялся крутить руль, вписываясь в новый поворот.

– Может, ты сам закончишь историю, Билл-стер?

– Нет.

Кен показал в сторону от тропинки: игуана размером со здорового пса жевала розовые цветы гардений. И, несмотря на неземную красоту этих цветов, я пожелала, чтобы на острове было как можно больше поедающих их игуан: тогда я наконец смогу нормально дышать и избавлюсь от тумана в голове.

– К тому моменту моряки уже были на грани голода, – продолжил Кен. – И они отправились на берег в поисках провианта.

– И они нашли её, – сказал Билли.

Тропинка внезапно стала такой узкой, что ветви деревьев задевали тех, кто сидел в машине. Они были липкие и влажные: казалось, будто меня облизывают.

– Держитесь, скоро выедем, – сказал Кен, отталкивая от себя огромный лист банана.

– Так кого они нашли? – спросила мама, когда мы наконец выбрались из липучих зарослей.

– Евлалию, – это было настолько очевидно, что и я не удержалась. Билли с ухмылкой пихнул меня локтем. Эта история явно достала его уже давно.

– Судя по записям в бортовом журнале, они обнаружили девушку шестнадцати-семнадцати лет, жившую в одиночестве на острове, – сказал Кен. – Сначала она не отзывалась ни на один из известных морякам языков, однако оказалась на редкость смыслёной. И уже через пару дней начала изъясняться на примитивном английском, дополняя его языком жестов. Она рассказала, что оказалась на острове совсем крошкой, после кораблекрушения, и не помнит ни откуда шёл их корабль, ни даже как её зовут.

– Ах, бедняжка! – воскликнула мама, и Дэвид согласно кивнул ей в ответ.

Наверное, ей было ужасно одиноко жить в этих зеленых джунглях. Мне почему-то стало интересно: цветы были белыми или розовыми, когда она сюда попала?

– Один из членов экипажа назвал её Евлалией в честь своей младшей сестры, – продолжил Кен. – Проведя на острове несколько недель и набрав запас пресной воды и провизии, корабль отплыл с этой девицей на борту, и на этот раз плавание прошло благополучно. У историков нет единого мнения о том, что было потом. Одни говорят, что Евлалия осталась в монастыре во Франции, другие – что она вышла замуж за английского аристократа. Однако ни в той, ни в другой стране нет записей о её смерти.

В отличие от меня, имевшей живую и достоверную запись о своей смерти. По крайней мере, о первой.

– С того времени остров Евлалии приобрёл известность, поскольку моряки из Европы и Америки безуспешно пытались найти к нему путь снова и снова, – сказал Кен. – Правительство США объявило его частью Вирджинского архипелага, хотя он слишком далеко в стороне от этих островов. Ну а потом стали расползаться всякие слухи, вроде целебных свойств здешних лагун, и волшебных растений в джунглях, и даже кладов, зарытых в пещерах. Но остров пропал с карт, и почти никому из моряков не удавалось найти сюда путь.

– Как будто сам остров не желал никого сюда пускать, – сказал Билли.

Лиана каким-то образом попала к нам в гольф-кар и так обвилась вокруг моей ноги, что я содрогнулась.

– Мы добрались сюда без проблем, – сказал Кен. – И за все эти годы не было ни одного случая, чтобы кто-то не смог попасть на остров.

Билли неохотно кивнул в знак согласия, и его отец продолжал:

– В начале двадцатого века итальянка по имени Лилия Морганди купила этот остров. Однако она никогда здесь не была – я лишь могу предположить, что её планам помешали две мировые войны, – и остров переходил от одного её наследника к другому, но никто из них так

сюда и не добрался. Но около пяти лет назад одна из её внучек прислала рабочих, которые построили маяк, гавань и пристань, всю инфраструктуру и ваши бунгало. А когда всё было готово, она наняла меня управляющим. – Он отечески улыбнулся Билли. – Ну, вообще-то она наняла всю семью, и теперь мы принимаем у себя гостей, приехавших на отдых.

– Интересно, во сколько ей обошлась эта стройка. – Дэвид оценивающим взглядом окинул деревья, и я подумала: а он что, тоже может купить себе остров?

– Ой! – Мама схватилась за шею, блестящую от сока цветов. Она сорвала с себя шляпу и уставилась на испорченную ленту. – Как жжётся!

– Это цветы, – сказала я и невольно вздрогнула, отбрасывая цветы в сторону. – С них капает.

– Очень жаль. – Кен невозмутимо предложил нам салфетки из бардачка. – Наверное, у вас аллергия на это растение. На маяке у нас есть бенадрил. Хотите, заедем за ним?

Мама протёрла шею, скомкала салфетку и улыбнулась – неукротимая, как всегда.

– Нет, не стоит. Со мной всё хорошо. – Избавившись от цветов, она кинула шляпу на пол между нами. Я брезгливо отодвинулась.

– У Мелинды есть книга об истории острова, если хотите узнать все подробности, – предложил Кен. Мама с Дэвидом согласно закивали.

По мере того как машина поднималась в гору, листва становилась реже, а влажность сгущалась. Клочки неба, проглядывавшие сквозь полог листвы, из синих превращались в пепельно-серые. На вершине холма мы сделали остановку. По другую сторону перевала лежала долина – сплошь зелень и каменные утёсы. Тоненький ручей падал со скалы, и на его берегу торчали развалины старого дома. Крыши давно не было, а каменные стены покрывал мох.

«Ааа-ди-ди-ди!» – звала меня птица сквозь густую листву.

Я украдкой глянула на маму. У неё на шее всё ещё оставалось розовое пятно.

– Это что, дом Евлалии? – спросила она, выбираясь из гольф-кара. Небо медленно, но верно наливалось угольной чернотой, а воздух был полон влаги. Вот-вот должен был пойти дождь, и в ожидании этого у меня тревожно покалывало кожу.

– Нет, когда моряки нашли Евлалию, она жила в чём-то вроде домика на дереве, – сказал Кен. – Он давно развалился. А это дом Уэллсов. – Он жестом позвал нас за собой по извилистой тропинке вниз к ручью. – В 1843 году Абрахам Уэллс, богатый житель Бостона, увлекшийся ботаникой, потратил целое состояние на поиски острова Евлалии. Адди, здесь иди осторожно! Он нанял два корабля и целую бригаду строителей. После одиннадцати месяцев плавания они нашли остров. Они оставили здесь Абрахама, его жену и двоих дочерей в только что отстроенном доме, чтобы через год подвезти новую партию продуктов.

– Потому что жизнь в Массачусетсе девятнадцатого века им явно наскучила, – встрял неугомонный Билли. Мне пришлось заслониться рукой, чтобы скрыть ухмылку.

Кен встал у развалин и показал маме и Дэvidу, что они могут пройти сквозь дыру на месте двери.

– Когда корабль пришёл сюда через полтора года...

– Потому что они снова сбились с курса, – добавил Билли.

– ...они обнаружили тела Абрахама и его жены в супружеской постели. Они умерли несколько месяцев назад. Скорее всего, заболели ботулизмом из-за некачественно законсервированной пищи.

Влажный ветер принёс запах тлена, и я замялась в дверях.

– А что стало с их дочерьми?

– За домом нашли две пустые могилы с их именами. Леонора и Вайолет. – Кен махнул рукой туда, где должен был находиться задний двор, захваченный сейчас ежевикой и плющом. Могильных памятников я не разглядела, но они вполне могли быть где-то там.

– Чёрт, ну и жуть, – сказал Дэвид. – А вы как считаете, что могло с ними случиться?

– Я думаю, они утонули, – сказал Кен. – С восточной стороны острова проходит очень сильное течение. Они могли попасть в него, и их унесло в море.

– Да, с океаном шутки плохи. – И Дэвид многозначительно посмотрел на меня, а я сделала вид, что не замечаю этого взгляда. Я думала о том, оставались ли эти девочки в сознании, когда в последний раз вдохнули воду, или сперва всё исчезло, как это было у меня. И стала ли для них вечной эта пустота, или они миновали её и оказались где-то... ещё.

Стоило мне перешагнуть порог развалин, и температура упала так резко, что я покрылась гусиной кожей. Мы все сгрудились там, где должна была находиться кухня, судя по закопчённому очагу в углу с остатками дымохода. Там лежала кучка пальмовых листьев с небольшой вмятиной посередине.

– Похоже на чье-то гнездо. – Дэвид ткнул ногой в листья.

– Пришлю сюда Шона с граблями и ловушками, – заметил Кен. – Пока он не превратился в приставку для компа.

– Поздно спохватился, – буркнул Билли.

Ночью Шон совсем не показался мне похожим на приставку, и я даже разозлилась. Может, у него просто депрессия. И потом, имея такое тело, он наверняка чем-то занимается. Например, плавает по ночам. Не то чтобы я запала на его тело или что-то ещё.

Через открытый проём виднелся альков с остатками железной кровати – наверное, там когда-то нашли тела супругов. Я подумала, долго ли так лежали, разлагаясь, Абрахам Уэллс и его жена? Если бы «Скорая помощь» не успела вовремя, я бы сейчас тоже разлагалась. Или, возможно, меня бы кремировали, и я бы превратилась в золу, упрятанную в урну где-нибудь на полке в доме Дэвида. У меня защипало в глазах.

– Мы думаем, здесь была спальня девочек, – сказал Кен, проводя нас в следующий закуток. На полу лежала старинная арфа, и через неё проросло дерево. Почти всю раму покрывали мох и плющ, и украшавшие арфу резные розы забились грязью. В самом верхнем регистре каким-то чудом ещё сохранилась последняя струна.

– Это был инструмент старшей дочери, Леоноры. – Билли просунул свою физиономию через дыру в стене на месте окна. – Иногда по ночам, когда светит луна, а ветер дует в нужном направлении, вы можете услышать звуки арфы на всём пути до маяка.

У меня по спине побежали мурашки.

– Ну хватит, Билл-стер, – отрезал Кен. – Оставь эти глупости на Хеллоуин. Никакая арфа тут по ночам не играет. – И он добавил вполголоса, обращаясь к маме: – У детей такое богатое воображение. Он даже не решается входить в этот дом.

Они с весёлым смехом пошли обратно на кухню, но мне было совершенно ясно, отчего Билли так не по себе в этом месте. Часть меня рвалась кинуться наутёк из руин и никогда не возвращаться, тогда как другая хотела бы побыть тут подольше. Например, чтобы поднять с пола арфу и попробовать представить себе этих сестёр... Я чувствовала некую странную связь между нами. Мы все утонули. И мы все могли в итоге оказаться одним местом, вот только мне помогли вырваться из лап смерти, а им нет. И я не могла не думать о том, где сейчас бродят их души, если они вообще где-то есть.

Пока старшие выходили следом за Кеном наружу, я наклонилась над арфой. Что-то привлекло моё внимание, какой-то невнятный звук. Но стоило прикоснуться к уцелевшей струне, как она рассыпалась под моими пальцами.

Снаружи моментально стихло жужжание насекомых. Улёгся ветер, пронизанный душистым ароматом цветов. Деревья и кусты замерли неподвижно, как на фотографии. Словно весь остров затаил дыхание.

Выжидая.

Наблюдая.

– Простите, – прошептала я, отшатнувшись от инструмента и прикоснувшись к затылку: было такое ощущение, будто туда кто-то дышит.

На арфу упала одна жирная капля влаги, за ней другая. Это было простое совпадение: небо уже давно грозило ливнем. И тут разверзлись хляби небесные. Дождь прорвался сквозь листву и обрушился на дом. Пыльные тропинки превратились в топкие от грязи ручьи, нежное журчание водопада переросло в утробный рык.

– Все в машину! – воскликнул Кен.

Я отскочила от арфы давно умершей девочки и помчалась вон из руин её дома.

Глава 7

Пока мы возвращались в бунгало, солнце снова успело пробиться сквозь прорехи в серых тучах, а ливень ослабел до лёгкого дождя. И воздух моментально стал влажным, как в оранжерее.

– Как насчёт освежиться в бассейне перед обедом? – Дэвид стянул футболку, обнажая некогда мускулистый, а сейчас заметно оплывший торс. На груди у него росло больше волос, чем на голове, и я снова удивилась, что могла найти в нём мама. Это должно быть нечто большее, чем деньги, из-за которых она никогда особенно не переживала. Но по крайней мере он не затевает постоянных ссор, как это делал мой папа.

Мама положила сушиться на кресле свою промокшую шляпу, и я понадеялась, что она вымоет её как следует, прежде чем снова надеть.

– Искупаешься, Адди?

У меня всё ещё было такое чувство, словно лёгкие склеились в грудной клетке, и меньше всего мне улыбалось кашлять кровью в кристально чистую воду бассейна. Не говоря уже о том, что в нём едва будет полтора метра глубины – лягушатник какой-то.

– Может, потом. Как твоя шея?

– Гораздо лучше, – она наклонила голову, чтобы показать, что краснота прошла.

И пока эта парочка бултыхалась в мелком лягушатнике, хихикая и брызгаясь, я взяла свою книгу по садоводству и устроилась в гамаке на лесной опушке. Из-за вездесущей липкой влаги и духоты казалось, будто я очутилась в пасти у какого-то огромного чудовища. Машинально я пыталась листать страницы, но текст был слишком плотным и насыщенным информацией, а меня, честно говоря, мало занимали показатели качества почвы.

В голове привычно роились мысли о смерти. Рассуждения о земле вернули меня к двум пустым могилам на заднем дворе в развалинах старого дома, и я не могла удержаться и попыталась представить, что стало бы с моим телом, если бы я оставалась мёртвой. Лежала бы я сейчас под шестью футами земли? Или от меня осталась бы лишь зола? К горлу подступил приступ тошноты. Хотелось бы мне лежать сейчас на морском дне, где вода такая холодная, что приходится надевать гидрокостюм. На такой глубине, где не остаётся места для страхов и тревог – вообще ни для каких чувств.

У меня за спиной зашелестели кусты. Из них высунулась детская рука и коснулась указательным пальцем моей щиколотки. Я в шоке села прямо, раскачав гамак. Там, где меня коснулся палец, кожа заледенела.

– Кто там? – окликнула я, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Рука повернулась, и палец принял меня манить.

«Ааа-ди-ди-ди!» – звали птицы.

Громко сглотнув комок в горле, я оглянулась на маму с Дэвидом, взяв её за руку и целовавших её в «глубоком» конце бассейна, и содрогнулась. Рука скрылась, и из трясущегося куста послышался визгливый смех, как из музыкальной шкатулки. Точно такой же смех я слышала в лесу вчера. Значит, здесь *есть* ребёнок. Но это какой-то ненормальный ребёнок – иначе зачем ему жить в лесу одному?

Я спустила ноги на землю и встала.

– Привет?

И снова этот смех. Снова из куста высунулась рука и хлопнула меня по коленке. Я с визгом отскочила.

– Играем в прятки! – пискнул голос маленькой девочки. – Тебе водить!

И кусты зашуршали с новой силой.

– Где твои родители? – Я понятия не имела, откуда тут взялась эта девочка, но, судя по всему, ей ужасно нравилось носиться по джунглям со сколопендрами и ящерицами среди жутких развалин старых домов.

Кусты замерли неподвижно.

– Не знаю. – От того, каким глухим и грустным стал её голос, у меня сжалось сердце.

Я оглянулась на опустевший бассейн. За минуту с небольшим мама с Дэвидом успели уйти в дом. При мысли, что они улизнули, чтобы по-быстрому переспать, меня снова затошнило, и я попыталась – безуспешно – подавить приступ кашля.

– Будь здорова, – вымолвил задрожавший куст.

– Ты не могла бы выйти оттуда? – Я присела, пытаясь что-то рассмотреть среди ветвей. Две босые ноги с серыми от грязи ногтями нетерпеливо приплясывали на месте.

– Нет, ты же *водишь*, значит, ищи меня! – Ноги повернулись и исчезли.

Я сунулась было в кусты следом за девочкой, но они оказались такими густыми и колючими, что без мачете не прорубиться.

– Эй! – крикнула я. – Вернись!

Но шорох потревоженной листвы неумолимо удалялся, и затихал её странный смех. Я повернулась и пошла в дом, но услышала, как мама приглушённо смеётся внутри и как вторит ей Дэвид. Чертыхаясь, я направилась к лестнице, ведущей вниз, в лес. Не хватало ещё, чтобы по моей вине там заблудилась какая-то мелкая девчонка. Торопливо шлёпая по ступенькам, я чуть не врзалась в Билли в самом низу.

– Куда это ты так бежишь? – Он показался мне каким-то бледным, и глаза на мокром месте.

– На острове есть ещё какие-то люди? – Мне пришлось прижать к лицу локоть, чтобы заглушить кашель. – Ну, какие-нибудь туристы одного дня с соседнего острова?

– Кхм, нет. – Билли сел на нижнюю ступеньку, достал ингалятор и торопливо вдохнул.

– Ты в порядке? – спросила я.

Он кивнул, а я не могла отвести глаза от тропинки. Она же наверняка заблудится здесь и собьёт ноги в кровь, бегая босиком.

– Не хочу с тобой спорить, – сказала я, – но в лесу бегает маленькая девочка. Я не знаю, как она попала на остров, но, скорее всего, она заблудилась. Я должна ей помочь.

– А как она выглядит? – Билли крутил в пальцах свой ингалятор.

– Я видела только её руки и ноги, и они были маленькие. И грязные. И она захотела поиграть в прятки.

– Вот это жесть! – Билли хрипло расхохотался. – Ну ты даёшь!

Я разозлилась. С каждой секундой потерянного времени маленькая девочка всё дальше убегает в джунгли. Я не потащу на поиски Билли с его астмой, но ведь надо же что-то делать?

– Что тут смешного? – спросила я. – Кто она?

– То есть ты действительно её видела, да? – спросил он. – Ну, типа прямо *видела своими глазами*?

– Билли, ещё три секунды – и я тебе врежу. Я же сказала, что видела её! Она хлопнула меня по ноге и сказала, что я вожу.

Билли так зашёлся от хохота, что ему пришлось снова пустить в ход ингалятор.

– Ушам своим не верю! – наконец произнёс он. – Просто с ума сойти! Ведь это я научил её в прятки играть.

– Знаешь, вместо того, чтобы выпендриваться тут с умным видом, лучше бы ты помог мне найти эту девочку, – сказала я. – Что, если она спрячется так, что её уже никто не обнаружит? И вообще, откуда она тут взялась? Она ведь не живёт здесь, правда? – И я махнула рукой на окружающие нас капающие влагой, переливающиеся розовым джунгли. Может, если Дэвиду

станет известно, что это вовсе не такой уж изолированный остров, он настолько взбесится, что захочет отсюда уехать. И уж во всяком случае будет вести себя не так развязно, как сейчас.

– Она вообще не живёт где бы то ни было, – заявил Билли. – И никто, кроме меня – и тебя, что, кстати, вообще странно, – не может видеть Вайолет.

– Постой, – я замигала, подавляя кашель. Я же только что слышала это имя. – Вайолет? То есть Вайолет Уэллс?!

Судя по тому, как легко Билли вскочил на ноги и изобразил какие-то танцевальные па, приступ астмы благополучно миновал.

– Ох, старушка, да ведь тут меня все за психа считают! Посадили на таблетки!

– По-твоему, та маленькая девочка, которую я видела, – это Вайолет Уэллс, которая живёт здесь с прошлого века?

– Ну да. Мы же только что это выяснили. – Билли закатил глаза. – Вот только она не сказать чтобы... живёт.

Я уже догадалась, к чему он ведёт, но это было откровенной чушью.

– Она – призрак, – заявил Билли с таким видом, как будто это было само собой разумеющимся.

– Билли, хватит заливать, – фыркнула я. – Кто она на самом деле?

– Да не заливаю я! Это призрак Вайолет Уэллс.

– Даже если бы призраки существовали, всё равно не складывается, – возразила я. – Как призрак мог хлопнуть меня по ноге? Они же вроде как прозрачные, бестелесные и всё такое?

Билли сорвал цветок с ближайшей ветки и ответил:

– Не знаю, заметила ты или нет, но здесь вообще всё происходит не по правилам. – Он раскрошил цветок в пальцах, и пока лепестки падали на землю, они успевали из розовых превратиться в белые.

Он по-своему был прав, но одно дело – экзотические цветы, так запросто меняющие цвет, и другое – настоящие призраки. Я была уверена, что биолог сумеет объяснить феномен с цветами, но для души, задержавшейся в этом мире после смерти, объяснения быть не могло. Хотя одно объяснение всё же было: Билли сочиняет небылицы. Он решил меня разыграть. Ну что ж, я прикинулась, что купилась.

– Стало быть, по острову разгуливает парочка мёртвых сестёр? – я упёрлась руками в бока.

– Я ни разу не видел Леонору, – сказал Билли. – И я раз сто спрашивал об этом Вайолет, но она сама, похоже, ничего не знает. И я, кстати, спрашивал и о том, знает ли она вообще, что умерла, и как это случилось, и что стало с её предками, но чёрта с два от Вайолет добьёшься прямого ответа. Наверное, она в тот момент потеряла сознание. Иногда я думаю, что она тайком пробирается на маяк, потому что барахло у нас пропадает.

– А та арфа, что играет по ночам, – напомнила я, теребя образок на цепочке и гадая, как далеко он готов зайти в своём розыгрыше. – Это ведь может быть Леонора?

– Может. – Билли отвёл глаза. – Я правда слышал арфу, но по ночам из маяка мне наружу хода нет.

– Почему? – Я подозрительно прищурилась.

– Предки тоже не высываются, разве что уж совсем прижмёт. – Билли пожал плечами. – Папа говорит, что нам не следует смущать гостей, сталкиваясь с ними среди ночи, но иногда я думаю, что дело здесь в другом.

У меня в животе возникло очень неприятное чувство. И я уже не была так уверена, что всё это выдумка и игра. Но ведь Шон, судя по всему, нисколько не был встревожен или напуган, а он гулял ночью – и ничего.

– А твой брат...

Тут зачирикала рация, и Билли со стоном включил передачу.

– Я уже у них, папа.

– Хорошо, – проскрипел голос Кена. – Давай скорее.

– Прости, что прерываю, – Билли сунул уоки-токи в карман, – но я должен отнести ему заказ на фрукты от твоих предков.

Я лишь поморщилась от упоминания о Дэвиде как о моём отце, но Билли ничего не заметил.

– Он собрался отправиться на катере на Тортолу за фруктами, зеленью и прочей едой. А я должен успеть ещё сделать пару вещей. Папа хочет, чтобы я расставил ловушки по острову на тех тварей, что свили гнездо в доме Уэллсов. Хотя вообще-то это собирались поручить Шону. – Билли сердито сжал челюсти. – Но если хочешь, я могу устроить тебе неофициальную экскурсию, когда закончу.

– Конечно, – кивнула я. Отчасти я всё ещё злилась на него за всю эту чушь с призраками, но экскурсия – это в любом случае лучше, чем торчать дома с мамой и Дэвидом.

– Отлично, да, круто! – Щёки у Билли стали чуть ли не ярче самых розовых цветов. – И расскажу тебе много чего про Вайолет. Хочешь, встретимся здесь через полчаса? Вот только идти придётся пешком, папа больше не доверяет мне гольф-кар.

Я подумала, что это неудивительно. Этот мальчишка настоящая заноза в заднице. Но ведь он здесь совсем один, и развлечений тут маловато. К тому же он забавный, а другой компании у меня нет.

– Договорились, – сказала я. – Только когда будешь заходить в дом, то лучше... постучись сперва.

Он явно понял намёк:

– Ладно, я наведу шороху, когда приду.

– Отлично, – кивнула я.

– Ага, ладно. Ладно, я... в общем, увидимся. – И он козликом поскакал вверх по ступенькам, но споткнулся на самом верху, и я подумала, что тоже не стала бы доверять ему рулить гольф-каром. Наконец он исчез, и сколько я ни оглядывалась, мне не удалось высмотреть никаких следов маленькой девочки.

«Ааа-ди-ди-ди!» – звали меня птицы.

Глава 8

После того, как Билли удалился со списком заказов, я крикнула в распахнутое окно маме и Дэвиду, что собираюсь на прогулку, а сама отправилась в лес в надежде отыскать странную девочку. Даже если это розыгрыш, я не могла отделаться от грызущей тревоги. Моей младшей кузине Грейс было четыре года, и тётя в жизни не позволила бы ей вот так носиться по лесу. Слишком много здесь таких мест, где ребёнок может заблудиться или пораниться, и никто не найдёт его, пока не станет слишком поздно.

Ярко-розовый гибискус задел мою руку, и у меня возникла идея. Грейс обожала плести венки из цветов – как и все девочки, к которым меня приглашали в няньки. А уж здесь-то цветов было навалом, и если я буду внимательна и не сорву те ядовитые цветы, которые мама прицепила на шляпу, венок запросто выманит малявку из укрытия. Останется только вытянуть из неё, кто она такая и где её родители.

Какие-то цветы были мягкими, как бархат, другие – гладкими, как кожа младенца, и когда я срывала их с ветвей, они выпускали целые облачка пылицы, оседавшей на коже и спавшейся в противную корку. Держа в руках целую охапку плюмерии и жасмина и борясь с головокружением, я села на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к нашему дому, и принялась плести венок.

Оттого, что стебли были непривычно тёплые, буквально температуры тела, я не могла отделаться от ощущения, будто держу в руках чьи-то пульсирующие вены. Пока я укладывала их в венок, сок капал мне прямо на ноги, невольно напоминая о всей той крови, которую потеряли мои лёгкие за последний месяц. Вообще-то её количество ужасало, хотя врачи уверяли меня, что я не должна паниковать и заикливаться на этом, если хочу выздороветь.

Но ведь может случиться и так, что, сколько бы я ни тренировалась, никакие растяжки и практики не излечат моё тело. Может, мне навсегда придётся отказаться от фридайвинга. Или же Дэвид убедит маму просто запретить мне нырять, и тогда придётся ждать совершеннолетия и переезжать от них, чтобы начать всё заново. А к тому времени Миа или Иви, а то и сразу обе – побьют национальный женский рекорд и оставят меня далеко позади. Почти всю жизнь я посвятила тому, чтобы быть лучшей в этом единственном деле, но что толку тратить столько времени ради одной цели, которой я лишилась за каких-то восемь с половиной минут?

– У тебя такой вид, будто ты кого-нибудь сейчас прирежешь. – Билли с синим рюкзаком на плечах поднимался по грязной тропинке, отважно шагая босиком. Он кивнул на болтавшийся на поясе длинный мачете: – Хочешь, одолжу?

– Нет, – я посмотрела на остатки цветка у себя в руках, – это что-то вроде экзистенциального кризиса.

– Отстой, – серьезно заметил Билли.

– Ага. – Я выбросила испорченный цветок и аккуратно сплела концы венка, а затем критически осмотрела своё произведение, отложив его в сторону. Получилось даже лучше, чем я ожидала.

– Это мне, что ли? – Билли уставился на венок.

– И как ты догадался? – Я напялила венок поверх его бейсболки. – На самом деле это для «Вайолет», – я нарочно показала пальцами кавычки, произнося её имя, – так что не вздумай его помять.

– Ей понравится, – заверил он. – Вот только вряд ли мы сегодня снова её увидим. Не знаю, какой у неё распорядок, но обычно я натыкаюсь на неё не чаще чем раз в пару дней.

– Раз в пару дней? – это казалось совершенно невозможным: чтобы маленький ребёнок в этих условиях выдержал в одиночестве хотя бы один день. Моя кузина закатила бы истерику уже минут через двадцать.

– Адди, у неё всё хорошо. – Билли выразительно посмотрел на меня. – С ней ничего не случится. Обещаю.

Стало быть, это стопроцентный розыгрыш. Я понятия не имела, как он сумел это устроить, но родители девочки, очевидно, могут иногда навещать остров на своей лодке, а Кен с Мелиндой просто забыли нас предупредить. Или вообще о них не знают.

«Ааа-ди-ди-ди!» – звала меня птица.

– А мачете зачем? – поинтересовалась я.

– Папа любит, когда я расчищаю тропинки. Здесь всё правда растёт как на дрожжах. – И Билли жестом пригласил меня следовать за ним под истекающей влагой купой банановых листьев.

– Здесь ещё есть развалины, вроде того дома? – спросила я.

– Не-а. После Евлалии Уэллсы были единственными, кто жил на острове, – пока не приехали мы. Да и с тех пор приезжало совсем мало гостей.

Мы дошли до развилки. Направо шла дорожка, по которой нас утром катали на гольф-каре, а налево – тропа, заросшая плющом, обвитым серебряной от росы паутиной. Неистово размахивая мачете, Билли врубился в зелень, а мне пришлось переждать, пока развеется рой вспугнутых им насекомых – хотя я их не разглядела, но они наверняка были ужасные, – прежде чем шагнуть следом.

– Как могло получиться, что до вас сюда никто не приезжал? – продолжала расспрашивать я.

– Не знаю, – сказал Билли. – Семья Моранди владела островом больше ста лет, – он снёс макушку растению с какими-то висячими листьями, похожими на щупальца осьминога, и поморщился, – но я никогда с ними не встречался.

От порыва ветра растения закачались, хлопая мокрыми листьями по рукам и лицу, так что я вся сжалась, чтобы поместиться в узкой проход, прорубленный Билли.

– А почему?

– Без понятия. Думали, что они захотят пожить в том роскошном доме, где сейчас оставились вы, – Билли безжалостно воевал с кустами, так что остатки цветов разлетались по сторонам, – но они сюда так и не явились. Кто-то из них каждый месяц присылает папе чек, ну и если какие проблемы, типа генератор перегорел или ещё что, папа им сообщает, и присылают ещё денег.

Каким-то образом лес становился гуще и гуще по мере того, как мы углублялись в него: деревья делались всё выше, а их кроны – шире и мокрее. С веток свисали гигантские орхидеи с раззявленными ртами. Стоило снова подняться ветру, и в воздух поднялись целые облака пыльцы, облепившей мне щёки и губы. Она была сладковатой на вкус. Под глухой стук сердца, отдававшийся в ушах, роскошная зелень словно кружилась над нами в танце. Здесь было очень красиво. Так тепло и уютно. Я боролась с искушением улечься прямо на землю и позволить растениям убаюкать и укрыть меня.

– Берегись! – Сучок с острыми шипами упал Билли на плечо и отлетел прямо на меня. Я едва успела увернуться: сердце стучало как бешеное. Как будто я только что проснулась. Я что, всерьёз собиралась заснуть вот тут, прямо посреди леса?

– Извини. – Билли отвёл в сторону ветку и вытер пот со лба. – Мы почти пришли.

– Куда пришли? – У меня опять возникло ощущение слипающихся лёгких, и колени грозили вот-вот подогнуться.

– Увидишь. – Он направился в обход валуна размером с автомобиль, пестревшего от пятен лишайника и мелких розовых цветочков. Впереди с веток свисали бороды испанского мха, создавая настоящий занавес. Билли продрался через него и раздвинул для меня.

У меня захватило дух. Пространство за занавесью из мха широко распахнулось, пронизанное серебристо-голубым сиянием и заполненное шумом плещущейся воды. Это не могло

быть настоящим. Может, я на самом деле разлеглась в той чаще и заснула? Тайком ущипнув себя за запястье, я шагнула вперёд, в эту невероятную красоту, и стала не спеша любоваться ею.

Округлый пруд, примерно в сотню футов диаметром, лежал у наших ног. Берега обрамляли грубые и серые валуны, а позади возвышался каменный утёс. Вода, кристально прозрачная у берегов, постепенно темнела на глубине, и в самом центре её сиял ровный круг цвета сапфира. Голубой круг глубокой, бездонной воды – в точности как та, в которую я погружалась когда-то в Белизе или на Багамах. Такая, в которую я погрузилась бы в Дахабе. Это было слишком жестоко.

Билли уселся на берегу и опустил ноги в воду. Я скорчилась рядом. Мне было страшно и казалось, что стоит хотя бы пальцем прикоснуться к этой ослепительной воде, она поглотит меня целиком – хочу я того или нет.

– Тёплая? – поинтересовалась я, скрипя зубами от подавляемого желания.

– Она превосходная, – заявил Билли.

– А там что? – Я кивнула в сторону невероятной голубой дыры.

– Это же сенот³. Там источник пресной воды. – Он достал из рюкзака зерновой батончик, развернул и откусил сразу половину. – Хочешь?

– Нет, спасибо. – Я скинула сандалию и потрогала пальцем зеркальную холодную поверхность. Появились мелкие круги, постепенно расходившиеся по пруду. – Здесь кто-нибудь пробовал нырять?

– Папа пытался пару раз. – Билли запихал в рот остатки батончика и продолжал, не потрудившись сначала прожевать: – Но там дно уходит в такие туннели, что он сказал, что это опасно. Эти туннели пронизывают весь остров и могут открываться на поверхность в самых неожиданных местах. Так что смотри не провались в воду, если пойдёшь в лес.

Волоски у меня на руках встали дыбом.

– Поскольку мачете у меня нет, вряд ли я зайду так далеко.

– Тогда держись меня. – Билли ухмыльнулся. – В общем, здесь можно плавать и snork-лить⁴, но только не нырять с аквалангом.

– Да кому нужен акваланг! – буркнула я, машинально окунув в воду обе ноги. По всему телу, от пяток до макушки, прошла сладостная дрожь предвкушения. Я почувствовала в воде едва заметное биение, как будто где-то на дне бухал огромный барабан. Или это просто билось моё сердце, всё ещё в восторге перед здешней красотой.

Билли подобрал пригоршню камешков и стал кидать их, один за другим, в середину пруда, и круги от них расходились всё шире, пересекаясь друг с другом.

– Я слышал, что с тобой случилось.

Я тоже взяла камешки и стала кидать так, чтобы попасть в те места, куда упали его.

– И что же ты слышал?

– Ну, что ты типа как олимпийская чемпионка по фридайвингу.

Горькая улыбка скривила мои губы, и я так размахнулась, что камешек улетел на другой берег.

– Фридайвинг не входит в олимпийские виды спорта, но я была близка к женскому национальному рекорду США для моего веса, без ласт.

– Чума как круто. – Билли ткнул локтем мне в руку.

– Типа того. – Я отстранилась. – Тебе показали видео?

– Какое?

– Как я утонула. Как я умерла.

³ Сенот (на языке майя – «колодец») – естественный карстовый провал в грунте, в который протекает пресная вода. Открытая или закрытая пещера с подземным озером.

⁴ Снорклинг (нем. Schnorchel – дыхательная трубка) – вид плавания под поверхностью воды с маской и дыхательной трубкой и, как правило, с ластами.

Он присвистнул.

– Не въезжаю. Как-то ты не тянешь на мёртвую.

– Тянула на самом деле. – Ноги озябли, я подняла их из воды и стала растирать. – Не было ни пульса, ни дыхания. Ровная линия.

Билли отклонился, глядя на меня, и вместо жалости, ставшей уже привычной в других людях, в его лице я увидела что-то иное, некий вопрос. Примерно так же смотрел на меня прошлой ночью его брат. Я даже подумала, что стоит и сегодня вечером выбраться из дома и поискать Шона. Но с другой стороны – он-то даже не захотел пойти сегодня с нами на экскурсию.

– Со мной такое же было, – выдал Билли.

– Правда? – опешила я.

Он выпрямил ноги и зашлёпал босыми пятками по воде.

– Раньше мы жили в Мичигане. Рядом с озером. – Билли ткнул большим пальцем в сторону сенота. – Побольше этой лужи. Мне было двенадцать, когда мы с пацанами бегали по льду, и я провалился. И пробыл подо льдом почти два часа, пока меня не нашли. Был синий идохлый.

У меня из пальцев выпал камешек, который я собиралась кинуть в воду.

– И как же они тебя из этого вывели?

– Меня спасла ледяная вода. – Билли сорвал бейсболку заодно с венком из цветов и пробежался пальцами по растрёпанной шевелюре, имевшей такой вид, будто он стриг волосы сам. – Она сохранила мой мозг и внутренности, не дала им протухнуть.

– А для этого есть какое-то научное объяснение? – Я ткнула ногой его по колену.

– Это всё, что я слышал от врачей. – У Билли появились морщинки вокруг глаз, и я поразилась: он может шутить на эту тему! У меня до сих пор от разговоров о смерти мороз по коже.

Билли выразительно помахал новым зерновым батончиком, но я отрицательно мотнула головой. Он развернул батончик, отломил кусок и попытался забросить его в раскрытый рот. Кусок отскочил от его носа и улетел в траву. С беззаботной улыбкой Билли нашарил его в кустах, обтёр о шорты и сунул в рот.

– Тебя никогда не интересовало, что случилось с тобой в это время? – удивилась я.

– В смысле пока я был человеком-эскимом?

– Ну... да. Типа того.

– То есть не видел ли я ангелов, и жемчужных ворот, и прочего?

Я понимала, что это шутка, но мне было не до смеха.

– Видел или нет?

Он не спеша прожевал и проглотил батончик.

– Не-а. Ничего такого я не видел.

– То есть вообще ничего, верно? – уточнила я. – Вот так же было и у меня.

Билли запустил в полёт ещё кусок батончика. На этот раз он полетел по широкой дуге, и парень явно сделал это нарочно, поймав его на полдороге.

– А ты чего ожидала?

– Я вообще-то не ожидала, что умру, поэтому ничего.

– Ты ныряла под воду на целую милю по сто раз на дню и тебе никогда не приходило в голову, что это смертельно опасно?

– Вовсе не на милю. – Однако мой голос дрогнул, выдавая неуверенность. – И вообще-то да, я, конечно, думала, что это опасно. Что я могу умереть. Мне просто казалось, что должно быть что-то... ещё.

Билли расправился с последним куском батончика, на этот раз попав в рот. И хихикнул, чавкая липкими кусками:

– Ага, значит, ты ждала ворота и типов с крылышками!

– Нет, но я думала, что будет свет в конце туннеля, или... ну не знаю, что я заново рожусь младенцем, или орлом, или ещё кем-то. – Я подобрала обёртку от батончика и сложила её в маленький квадратик. – Что угодно. Только не ничего, – у меня снова задрожал голос, и я попыталась скрыть это, изобразив кашель. Но это была неудачная попытка, потому что лёгкие тут же решили, что я собралась пожертвовать новой порцией крови. – Прости. – Уткнувшись в локоть, я постаралась подавить приступ, чтобы не слишком напугать Билли.

Он сделал вид, что не заметил, как я украдкой вытерла с руки кровь.

– Может, тебе просто не хватило времени на все эти штуки. Ты долго была в отключке?

– Восемь с половиной минут.

– Пфф! – Он небрежно отмахнулся. – Это вообще не считается. Даже не знаю, возьмут ли тебя в мой клуб не до конца умерших.

У меня отвисла челюсть, а потом я расхохоталась.

– Вот уж не знала, что там такие высокие требования!

Билли театрально закатил глаза:

– погоди, ты ещё не сдавала письменный экзамен! – И он забросил в пруд очередной камешек. – Но кроме шуток: по-моему, поэтому только мы с тобой и можем видеть Вайолет, а остальные нет.

– Ну да, вот сейчас выскочит остальная её родня, и ты меня рассмешишь до икоты, – фыркнула я.

– Полагаю, не стоит с этим спешить, – сказал Билли. – Не поплаваешь, прежде чем пойдём обратно?

Я хотела этого больше всего на свете. Я не могла оторвать взгляд от великолепной синевы, мягко плескавшейся у моих ног. И я понимала, что не смогу просто поплавать и уйти. Я не справлюсь с желанием погрузиться.

– Я не взяла купальник.

– Ну, если это из-за меня... – У Билли буквально глаза полезли на лоб.

Я кинула в него камешек, он уклонился и чуть не свалился в воду, и жаль, что не свалился, ведь тогда мне бы пришлось прыгнуть, чтобы его спасти, прямо в одежде, и я хотя бы ненадолго ощутила на себе эту благословенную сапфировую прохладу. И я бы сунула голову под воду – всего на пару секунд – и взглянула на загадочную синюю дыру.

– Сколько времени?

Билли посмотрел на свои дешёвые пластиковые часы.

– Почти шесть.

– Так поздно? Чёрт, мне же надо успеть к ужину.

Его лицо заметно вытянулось, однако он послушно встал и поднял с земли рюкзак и мачете.

– Ага. – Мне было трудно расставаться с этим удивительным голубым прудом, но отчасти так было даже легче – избавиться наконец от пытки: видеть эту глубину и не нырнуть в неё.

Тропа так заросла лианами и травой, что не верилось, будто мы проторили её всего час назад. Правда, пыльцы явно стало меньше, и я в этот раз не впадала в спячку, пока Билли самоотверженно воевал с джунглями.

– Что, предки так заморачиваются с ужином? – спросил он.

– Вообще-то только мама мне родная, – сказала я.

– Прости. – Он виновато глянул через плечо. – Наверное, фигово тебе приходится.

– Ага. – Я отвела от лица ветку с кружевными тонкими листочками.

– Если сильно прижмёт, можешь потусоваться со мной, – сказал он. – Ничего такого, но на маяке прикольно, и интернет есть.

А ещё там Шон.

– Твой брат сейчас чем-то занят?

– Дрыхнет без задних ног, – хмыкнул Билли. – Он у нас вампир. Весь день спит, а по ночам режется в видеоигры и троллит всех, кого найдёт по Сети. Не врубаюсь, чего он там торчит. Там каждая страница неделю грузится.

Я не могла представить, как такой симпатичный парень, платиновый блондин, торчит у компа и достаёт ради хохмы незнакомых людей. Но, с другой стороны, я отдавала себе отчёт в том, что трудно составить верное суждение о человеке, с которым познакомилась под луной на тропическом пляже.

«Ааа-ди-ди-ди!» – завелась птица.

– Она же тебя зовёт! – воскликнул Билли.

– Ну, спасибо! – Мне стало легче: хоть кто-то это заметил.

– Типа... ну, пожалуйста?

Мы почти дошли до начала лестницы, ведущей к нашему дому, и Билли стал так топать и размахивать мачете, что я слегка испугалась.

– Завтра потусуемся или как? – спросил он.

– Выбирать всё равно не приходится. – У него сделалось такое лицо, что я пожалела о своих словах. Билли не виноват в том, что я застряла здесь, буквально сама не своя из-за невозможности нырять. – Прости, я не это имела в виду! Я не против потусоваться.

– Ты ещё много чего не видела. – К нему вернулась привычная ухмылка. – Ещё одна неофициальная экскурсия?

– Будет круто. – Я потянулась, чтобы забрать венок, и на миг его глаза расширились от удивления, пока он не понял, в чём дело. – Спасибо, Билли, – сказала я и надела венок на себя.

– Всегда пожалуйста. До завтра. – Он крутанулся на месте, отчего мачете так и взлетело в воздух, и скрылся в лесу.

А я поползла вверх по лестнице. В груди кололо и саднило, и пришлось остановиться, чтобы прокашляться. Сложившись пополам, до боли напрягая диафрагму, сквозь слёзы в глазах я разглядывала алые капли на ступеньках. Они впитались в камень и пропали.

А потом точно на этом месте возник росток. Прямо на глазах он вытянулся, и на его верхушке появился розовый бутон.

Я проморгалась и протёрла глаза. Такого просто не может быть. Я смотрела на цветок, мысленно приказывая ему исчезнуть – словно это была галлюцинация, порождённая обезвоживанием, больными лёгкими и долгой прогулкой по душному лесу, – однако он упорно торчал на месте, лишь покачивался на ветру.

Может, это простое совпадение. А может, как бы невероятно это ни звучало, есть такие виды плюща, которые способны вырасти и зацвести за секунды при контакте с влагой. В конце концов, в крови тоже немало воды.

Или, может быть, я теряю рассудок.

Бутоны плюща наклонились в мою сторону. Лепестки начали раскрываться, но это было простое совпадение, что он вот так расцветает передо мною, как будто благодарит за пролитую кровь. Это точно совпадение. Чувствуя тяжесть в желудке, я отступила, стараясь не задевать растение, и помчалась вверх по ступенькам.

Глава 9

– Ты сегодня выглядишь намного лучше. – Дэвид наклонил в мою сторону бутылку вина, но я покачала головой. – Разве я неправ, Керри? Смотри, у неё вернулись краски на лицо. Адди, океанский бриз тебе явно на пользу!

Я заставила себя залпом проглотить стакан воды, чтобы утопить слова о том, что в Дахабе я могла бы получить ещё больше океанского бриза, если бы по случайности не утонула. Я подавила желание спросить маму, стали бы они хоронить меня в земле или сожгли бы в крематории, потому что не смела испортить ужин.

– Спасибо, – вместо этого сказала я. – Мне правда немного лучше.

Мама не спускала с меня глаз, и я испугалась: вдруг она догадается обо всех ужасающих и невероятных вещах, что приключились со мной за день. Но в следующий миг она улыбнулась:

– Да, у тебя на лице явно прибавилось красок, детка!

– Типа того. – Я кивнула. В её глазах читалась такая надежда, что у меня не хватило духа признаться, что никакие практики не помогают – сколько бы я ими ни занималась. И уж конечно я не собиралась рассказывать о галлюцинации, когда я увидела на ступеньке растение-вампира. – Ты правда напрасно из-за меня так переживаешь, – добавила я. – Я чувствую себя хорошо, и Билли нормальный парень, так что я могу побыть в его компании, если вы захотите заняться чем-то своим.

– А ты не теряешь времени даром! – Дэвид выразительно пошевелил густыми бровями.

– Хм, вот уж нет, – буркнула я, разозлившись и на Билли, и на себя. – Ему едва пятнадцать исполнилось.

Дэвид так расхохотался, что кусок салата вылетел у него изо рта на футболку:

– Где мои семнадцать лет?

– Ох, да ладно тебе, – сказала мама, но я уже встала и принялась собирать тарелки. Я была слишком разбита после бессонной ночи и сегодняшнего бесконечного списка странных событий, чтобы сносить хамские шуточки Дэвида.

– Пойду-ка почитаю, – сказала я. – Спасибо за ужин, мама. Очень вкусная рыба.

– Кен обещал завтра отвезти нас на лодке на рыбалку, чтобы мы наловили её сами, – просияла мама.

– Это без меня, – сказала я. – Не бойтесь, со мной ничего не случится.

– Мы подумаем. – Мама погрустнела. – Ах да, Мелинда принесла свою книгу по истории острова, если тебе интересно. Она в гостиной на журнальном столике.

– Спасибо, – сказала я. – Спокойной ночи.

Хотя веки мои так отяжелели, что я опасалась, что не смогу прочесть ни строчки, я все же прихватила с собой книгу. «Краткая история острова Евлалии». На мягкой обложке был изображён полумесяц песчаного пляжа в обрамлении зелёных пальм. В центре пляжа – фигурка девушки в зелёном платье и с белокурыми локонами до пояса. Я напрасно всматривалась в картинку, рассмотреть черты её лица мне не удалось.

Зевая так, что ломило челюсть, я положила книгу на тумбочку у кровати. Почитаю про остров завтра. А сейчас надо спать – хотя и без привычного видео, сегодня я надеялась заснуть быстро. Может, к концу поездки я даже научусь справляться с искушением крутить его снова и снова. Может, я больше не буду одержима желанием понять, где же я находилась те восемь с половиной минут – хотя особой надежды на это не было.

Где-то на половине второго цикла дыхательных упражнений я заметила, что с цветочного венка над изножьем кровати на одеяло капает сок. Осторожно взяв его кончиками пальцев, я вынесла его наружу и кинула подальше в кусты. Возвращаясь к себе, я невольно прислушалась:

не играет ли арфа? – но до меня доносилось лишь стрекотание насекомых, плеск волн и шорох крон деревьев.

* * *

Мне приснилось, что я сижу в вёсельной лодке, дрейфующей по тёмному морю под ночным небом. Напротив меня сидела темноволосая девочка в длинном белом платье. Её лицо было белым как мел. Она склонила голову к воде, где из глубины поднимались какие-то силуэты. Лица – сотни лиц, белые и скользкие, как рыбы, с закрытыми глазами.

Тела.

Девочка потянулась к ним, и лодка накренилась.

– Не надо! – Я схватила её за руку, и оказалось, что это голые кости – ни кожи, ни мышц. Её зубы блестели, как осколки стекла. И она была обвязана толстой верёвкой за талию. Тела легонько ударялись о борта лодки.

– Где же вёсла? – прошептала я.

Она протянула руку назад и что-то вытащила. Но это оказалось не весло, а якорь, привязанный к той самой верёвке, что стянула её пояс. И не успела я опомниться, девочка кинула якорь в воду. Пока разматывались петли верёвки, она пристально смотрела мне в глаза, неслышно произнесла единственное слово:

– *Помоги!*

И тут якорь утянул её за борт.

Глава 10

Я проснулась не у себя в кровати, а в лесной чаще: под босыми ногами проминалась влажная земля на тропинке. Прошло уже немало лет с тех пор, как я в панике просыпалась не у себя в спальне или не помнила, что со мной случилось. Руки машинально потянулись к образку, гоняя его вдоль цепочки, пока я старалась смириться с пребыванием в тёмных, таинственно шепчущих зарослях.

«Ааа-ди-ди-ди!» – заливалась птица, хотя ночью ей полагалось спать, и звук был каким-то глухим и потусторонним.

В лунном свете тени зияли чёрными провалами между ярко освещёнными деревьями. Воздух был таким же душным, как днём, и я вся обливалась потом. Джунгли обдавали меня своим гнилостным цветочным дыханием, и вдруг что-то коснулось моего колена. Я с визгом оттолкнула это от себя. Жирный жук, недовольно жужжа, шлёпнулся на землю и зарылся в листву, синевато блеснув надкрыльями.

От ужаса мои внутренности сжались в тугой комок. Я понятия не имела, в какой стороне дом и как туда попасть.

«Не кашляй. Просто дыши!»

Я не впервые испытывала панику, ведь это совершенно естественная человеческая реакция на опасность, а фридайвинг – чрезвычайно опасный спорт. Но с годами я научилась жить с этим страхом, отстраняться от него в момент погружения. Чтобы двигаться вперёд, несмотря на него, но вместе с ним. «Оседлай свой страх», – как-то посоветовала мне Миа, и сейчас этот совет был очень кстати.

В кустах замелькали новые вспышки голубого света: их мерцание складывалось в размеренный ритм.

– Адди, – шёпот донёсся с порывом ветра.

– Кто здесь? – Я двинулась было на звук, но остановилась, когда заметила, что голубые жуки-светляки следуют за мной.

При безопасном свете дня я нисколько не сомневалась, что Билли разыгрывает меня, старается заставить поверить в призраков, но сейчас моя уверенность поколебалась. В этом потустороннем лунном сиянии казалось возможным что угодно. Я старалась не углубляться в размышления о том, почему семья Билли не рискует гулять по ночам и что из этого следует. Содрогнувшись так, что клацнули зубы, я резко сменила направление, и жуки сменили его следом за мной. Скрестив руки на горевшей груди, я понеслась по тропинке, и жуки вились роем надо мной и вокруг меня, путаясь у меня в волосах, задевая голые руки и плечи своими жёсткими маленькими телами.

Тропинка пошла вверх, и что-то массивное замаячило впереди – хоть бы это оказалась лестница к нашему дому! Я не смела поверить в такую удачу. Отмахиваясь от жуков, я ринулась вперёд, но споткнулась о корень и упала. Колени впечатались в гравий и землю. Жжение в груди сделалось нестерпимым, грозя закончиться взрывом, но я уже вскочила на ноги. Я не могла позволить себе остановиться. Мне нужно было двигаться дальше, невзирая на страх. Сияние луны стало ещё ярче, ещё белее. И еле различимо где-то вдалеке запели струны арфы.

То, к чему я бежала, оказалось не лестницей – просто над лесом торчала ещё одна скала. И это не была дорога домой. Жуки все разом опустились на землю и поползли по скале, выстроившись в цепочку. Я никогда не видела, чтобы жуки так себя вели, и в памяти зазвучали слова Билли о том, что на острове Евлалии нет ничего нормального. Ни жуков, ни растений – я могла лишь надеяться, что последние не тянутся ко мне своими жадными побегами, пока я не вижу их в темноте.

«Дыши, Адди. Просто дыши».

У меня было два варианта: следовать за этими ненормальными голубыми светляками или развернуться и отправиться в лес, наполненный пением сломанной арфы. В общем, особой разницы тут не было. Остров не такой уж большой: если мне удастся долго идти по прямой, я рано или поздно доберусь до океана, а потом по берегу вернусь домой.

Я была напугана, но нам с моим страхом удалось подняться на скалу. Она оказалась сухой и пыльной, и мелкие камешки крошились у меня под руками. Воздух стал прохладнее, и я с жадностью наполняла им лёгкие, несмотря на боль. За вершиной скалы стал слышен негромкий плеск, и когда я туда поднялась, луна вышла из-за облаков.

Я стояла над сенотом, гладким как зеркало и излучавшим загадочный сине-зелёный внутренний свет. Звуки арфы внезапно пропали. Ноги сами понесли меня вперёд, я застыла, буквально цепляясь пальцами ног за край скалы. Здесь было совсем неглубоко, от силы пятнадцать футов. Но если я нырну, то могу просто не захотеть вернуться на поверхность. От пота защипало в уголках глаз, и когда я зажмурилась, словно наяву ощутила нежные поцелуи этой волшебной воды на своей коже.

«Ааа-ди-ди-ди!»

Даже птицы хотели, чтобы я нырнула.

Но я не должна была этого делать.

«Ааа-ди-ди-ди!»

Я раскинула руки, как крылья, и прыгнула.

Лес остался позади, и лунный свет смазался, когда я пробила поверхность воды в сеноте. Я стремительно опускалась, и пузырьки воздуха щекотали кожу и волосы, и всё кругом стало синим, синим, синим, и от чувства, что я вернулась домой, сладко защемило сердце. На втором метре глубины погружение замедлилось, и меня мало-помалу стало выталкивать на поверхность, но я сопротивлялась, работая руками: мне совершенно необходимо было задержаться хотя бы ненадолго. И пузырьки устремились к поверхности без меня.

Ещё полминуты, и я поднимусь. Потревоженная поверхность воды пошла серебристой рябью. И то ритмичное биение, которое я почувствовала этим днём, сохранилось – оно даже казалось сильнее теперь, когда я погрузилась в воду, – и я представила себе, что это должно быть похоже на утробу. Слегка пошевелив челюстью, я выровняла давление. Это было так просто. Ни малейшей боли. Я в безопасности.

Ещё полминуты.

Я не хотела возвращаться в липкий воздух, где меня терзали боль в склеившихся лёгких и издержки маминого медового месяца, но мне следовало бережно обходиться со своим телом, чтобы выздороветь. Я расслабила руки и позволила миру вернуть меня наверх.

Сделанный мною вдох был первым свободным вдохом за все последние недели. Это могло быть случайностью, но я вдохнула опять – и снова не ощутила боли. Оказывается, я уже забыла это ощущение, это простое действие, бессознательно совершаемое нами тысячи раз за день, но едва не стоившее мне жизни. Баламутя воду, я дышала и дышала без конца, заново открыв это чудо, пока не расхохоталась.

Кто-то откашлялся у меня за спиной, и я резко обернулась. У кромки воды стоял высокий парень с пепельными волосами и искренней, немного смущённой улыбкой. На Шоне были надеты те же самые тёмные шорты, и лунный свет выгодно подчёркивал ширину его плеч, что я старалась не замечать.

– Как водичка? – спросил он.

– Невероятно! – Моя кожа пошла мурашками после этой купели с её волшебной пульсацией и совершенства тропической ночи.

– А я искал тебя на пляже, – голос Шона звучал спокойно, в нём не было ни капли грусти, свидетельницей которой я стала накануне. Он шагнул в воду, и я ничего не смогла с собой поделать: улыбнулась до ушей. Он снова хотел меня увидеть!

– Я вообще-то забрёл сюда случайно, – добавил он.

И кивнул так, словно это самое обычное дело – такие встречи среди ночи. Сверкающая вода поднялась до его плоского живота, и я не в силах была заставить себя не пялиться на него. Пришлось лечь на спину и любоваться звёздами. Может, в итоге эти две недели окажутся не настолько отстойными, как я боялась.

– Ты чувствуешь, как в воде что-то... пульсирует? – спросила я и положила на поверхность ладонь, чтобы лучше ощутить странное биение. Шон кивнул:

– Да, это ещё одна странность этого острова. И мне она нравится.

– Мне тоже, – призналась я.

– Билли тебе рассказал, что это за место?

– Он привёл меня сюда днём. – Я помолчала и добавила: – Понимаю, что здесь не положено нырять, но я опустила всего на пару секунд. Не больше минуты. Ну ладно, полторы минуты максимум.

– Не бойся, я тебя не заложу, – рассмеялся Шон.

– Это какое-то чудо, – сказала я. – Я *чувствую* себя здесь чудесно. У меня были... поражены лёгкие, и мне запретили задерживать дыхание даже на минуту. Но я просто нырнула и не собиралась погружаться, но ничего не болело, и я задержалась под водой, совсем чуть-чуть. А когда вынырнула – словно заново родилась. Словно выздоровела. Это всё кажется нереальным, вроде как такого вообще не должно быть. Прости, я, наверное, несу полную чушь?

– Вовсе нет, – сказал он.

– Ну, по крайней мере мне так кажется. – Я набрала полную грудь воздуха и с наслаждением выдохнула. – Я уже не помню, когда могла так сделать.

Шон подплыл ближе. Его руки двигались в воде вокруг меня.

– Знаешь, почему здесь запрещено нырять?

– Билли рассказал мне о подводных пещерах и туннелях, – сказала я. – Я не очень разбираюсь в дайвинге в пещерах, но это опасно, потому что человек может заблудиться или застрять. И ещё сам воздух в пещере может оказаться ядовитым.

– Это только часть причин. Другая часть заключается в том, что в этой воде люди вообще не чувствуют боли.

– Что? – Сперва я подумала, что это ерунда, но пощупала ссадину на колене и убедилась, что он прав. Ссадина никуда не делась, но боли не причиняла. Я снова почувствовала себя как во сне, но теперь даже щипать себя за руку было бессмысленно: боли-то я не почувствую!

– Этот остров полон тайн, которые никто не может объяснить. – Лицо Шона на миг помрачнело.

– Похоже на то. – Я подплыла ближе. – Сегодня я так раскашлялась, что капли крови упали на ступеньку, и могу поспорить, что именно на этом месте за каких-то три секунды выросла лоза.

Я почувствовала себя глупо, едва слова сорвались с моих губ. Это было на грани безумия: признаться кому-то в том, с чем я столкнулась. Но Шон лишь ухмыльнулся уголком рта и сказал:

– Похоже, остров принял тебя за свою.

И этот его ответ на грани безумия породил новую волну мурашек у меня на коже.

– По крайней мере, – продолжал он, – теперь ты понимаешь, почему здесь запрещено нырять. Опасность заключается в том, что человек может не почувствовать, что задыхается.

– Кое-кто хорошо знает свои возможности, – буркнула я.

– Я тут ныряю с тех самых пор, как мы сюда переехали, – рассмеялся Шон, – и ничего не случилось.

– Билли не говорил, что ты, оказывается, фридайвер, – заметила я, гадая про себя, почему тот утаил от меня столь важные сведения о брате.

– Вряд ли я могу считаться фридайвером, – возразил Шон. – Я занимался подводной охотой, но до тебя мне, конечно, далеко.

Я бы могла показаться слишком наглой, если бы согласилась, но, скорее всего, это правда. По крайней мере, когда-то было правдой.

– Ну и как там, внизу? – стоило большого труда не выдать терзавшее меня волнение.

– Чудесно, – тёмные глаза Шона блеснули восторгом, – абсолютная видимость. Как в другом мире.

Я всмотрелась в мерцающие глубины и поняла, что он прав.

– Может, я погружусь ещё на минутку.

Врачи в один голос твердили, что пока не прекратятся кровотечения, мне опасно задерживать дыхание надолго, но разве минута для меня – это долго? И даже если они правы, я готова была отвечать за свои поступки, если это цена за пребывание в прозрачной сияющей глубине.

– Хочешь, чтобы я тебя страховал? – Улыбка Шона стала шире. – Я сумею сделать тебе искусственное дыхание, если потребуется скорая помощь.

При одной мысли о том, как его рот накрывает мой, мне сделалось жарко.

– Ни о какой помощи речь не идёт, ведь я погружусь всего на минуту.

– Конечно. – Он подплыл ко мне вплотную. – Минута – это ничто.

Мне не следовало этого делать. Действительно, мне не следовало нырять, даже если я не чувствовала боли и всё моё тело звенело от красоты этого потустороннего места. Я должна была попрощаться с Шоном и вернуться домой, но наши пальцы соприкоснулись под водой, и моя кожа запылала, несмотря на окружающую прохладу.

– Ладно, – сказала я. – Тогда вперёд!

Глава 11

Вода пульсировала в неизменном ритме, пока мы опускались всё глубже в сияние синевы. Мои руки и ноги двигались слаженно и плавно, медленнее, чем обычно, но я нарочно старалась не напрягаться и к тому же не знала, сможет ли Шон выдержать мою скорость. И хотя на глубине свет должен был слабеть, вместо этого он делался ярче, и лучистое сияние выхватывало перед глазами уходившие вверх стены сенота.

В этом голубом сиянии хорошо было видно обращённое вниз безмятежное лицо Шона. Он улыбнулся и показал мне «О'кей», и я ответила тем же, хотя сердце сжималось при мысли о том, что скоро придётся возвращаться. Теперь биение воды всё больше напоминало мне сердечный ритм, отдававшийся в костях черепа.

Внезапно стены сенота раздвинулись, так что мы оказались у входа в подводную пещеру, во власти отрицательной плавучести. Песчаное дно придвинулось, так что стало видно широкое отверстие в самом центре. Ил стекал по его стенкам и пропадал в темноте, как песчаный водопад. И ничего в жизни я не желала больше, чем заплыть в эту вторую пещеру, чей медленный пульс привораживал и тянул к себе.

Но пора было подниматься. Если я собиралась когда-нибудь сюда вернуться, мне следовало побережечь лёгкие. Шон тоже замедлил спуск, как будто почувствовал мою нерешительность. Мы свободно спускались ещё несколько секунд, прежде чем я не дала сигнал «стоп», подняв раскрытую ладонь. Он в ответ поднял большой палец – сигнал о подъёме к поверхности. Мы синхронно развернулись и медленно поплыли вверх.

Гребок, толчок, гребок, толчок. Подниматься всегда труднее, и при виде того, как исчезает дно сенота, в груди разрасталось ощущение утраты. Ближе к поверхности ритмичный пульс почти не чувствовался, и я чуть не разрыдалась, что само по себе было странным: я должна сейчас быть в восторге от того, что у меня получилось. Я и была в восторге – точнее, попросту в экстазе. Я бы навсегда осталась в этом мгновении.

Наконец мы вынырнули, и лёгкие наполнил ночной воздух, поразив лёгкостью простого вдоха. Вместо того чтобы давиться кровавым кашлем, я наслаждалась ласковым воздухом, касавшимся языка и горла. Это было чистое волшебство. Иного объяснения не находилось. И в голове не укладывалось, что я попала сюда благодаря Дэвиду Доновану.

– Что скажешь? – поинтересовался Шон, поднявшись следом за мной и вытирая воду с глаз.

Мой смех разлетелся над водой и скалами. Ему вторила птица.

– Скажу, что я, наверное, всё ещё сплю.

– И это будет неправдой. – От его взгляда я растаяла.

Я посмотрела на небо: чернота уже уступала место бархатной синеве. Близился рассвет, и мне пора было возвращаться, но я хотела провести ещё несколько минут в воде, с ним.

– Ты когда-нибудь думал о том, чтобы стать фридайвером? При хорошем тренере ты мог бы многого добиться.

– Это просто хобби. – Шон отплыл в сторону, хмуря брови. – И я не мог бы нырять достаточно глубоко где-то кроме этого сенота. Это намного легче, если ты не чувствуешь боли.

– Мы опустились по меньшей мере метров на пятнадцать, – прикинула я, – а ты даже не запыхался. Кроме шуток, подумай об этом, когда вернёшься в колледж. Где-то поблизости обязательно найдётся подходящая школа. Хочешь, я сама поинтересуюсь?

Он снова помрачнел, и я не понимала, отчего ему так не понравилась моя идея.

«Ааа-ди-ди-ди!» – позвала птица, и взгляд Шона сделался рассеянным, прежде чем смягчиться. Он вернулся ко мне и пальцем стёр с моей щеки каплю воды. В голове у меня снова застучал барабаном странный ритм. Надеюсь, в лунном свете не было видно, как я краснею.

– Скорее всего, Билли не рассказывал обо мне, потому что не хотел, чтобы мы общались, – сказал он.

И я была вполне с этим согласна – с учётом того, что чувствовала сейчас сама. В лесу проснулась ещё одна птица, и её прерывистая трель была приветствием светлеющему небу-своду. Я опустила голову в воду на прощанье: гулкий ритм не прекращался, тихий, но настойчивый.

– Мне пора, – неохотно вымолвила я. – Мы можем повторить это завтра... то есть сегодня ночью?

Шон так опустился в воду, что оставались видны только глаза, и я вдруг испугалась: а если он откажется? Если он понял, что на суше я ещё более неуклюжая, чем тюлень, и готова на что угодно ради его общества? Но уже через секунду он улыбнулся.

– Конечно.

Глава 12

Когда я проснулась, наслаждаясь мягкой удобной постелью, солнце уже стояло в зените. В сером предрассветном сумраке я на удивление легко отыскала обратный путь. Даже тропа ничуть не успела зарости с тех пор, как вчера мы с Билли обновили её на пути домой. Ни один сучок не вцепился в одежду, ни одно насекомое не село на голову. Лёгкие по-прежнему болели – боль вернулась, стоило мне выйти из сенота, – но не хуже, чем накануне, – и я сочла, что погружение мне не навредило. А может, даже пошло на пользу.

Я повернулась на бок и охнула, глянув на часы. Половина двенадцатого! Мой внутренний будильник исправно поднимал меня в шесть утра, независимо от того, как поздно я легла перед этим. Но теперь, похоже, у меня внутри вообще всё стало неисправным. С обречённым вздохом я пошевелила пальцами ног и закинула руки за голову, снова и снова прокручивая в памяти ночное погружение. Соппротивление прохладной воды, лучистое сияние, необычный и завораживающий ритм. Неподвижность у меня внутри была сродни неподвижности воды. Полное отсутствие боли. Соприкосновение наших с Шоном пальцев.

И тут я подскочила от внезапной судороги и принялась кашлять, едва успевая перевести дух между приступами. Девственную белизну постели запятнали алые капли, и я зажала рот руками. Из носа и глаз текло, и я никак не могла как следует вздохнуть. Приступ длился целую вечность, а с ним пришла суровая правда. Мне не стало лучше. Ни на самую малость. И теперь, в беспощадном свете дня, это казалось немыслимым: как я вообще умудрилась нырнуть так глубоко со своими едва живыми, саднящими лёгкими. Может, это мне приснилось?

Но подушка всё ещё не просохла.

Восстановив наконец способность закачивать в тело кислород, я старательно вытерла лицо бумажными салфетками, выплюнула в туалете кровавый сгусток и, тщательно смыв его водой, поплелась на кухню, чтобы попить.

Снаружи розовый оттенок цветов насытился до оттенка фуксии, а кое-где стал откровенно пурпурным. Бабочки таких же цветов порхали между соцветиями, и я подумала: они что, вылупились все одновременно? Каким-то невероятным образом запах цветов стал ещё гуще и приторнее, но всё равно отдавал горечью.

«Ааа-ди-ди-ди!» – заливались птицы.

На моё голое плечо опустилась ядовито-малиновая бабочка, и по коже почему-то побежал холодок. Осторожно, чтобы не помять нежные крылышки, я смахнула её, и она упорхнула под качающиеся ветки.

На кухонном столе лежала записка, торопливо накорябанная мамой:

Отплываем на лодке с Кеном. Ты точно проснулась, когда предложила плыть без тебя? Неужели ты стала такой засоней? Вернёмся к обеду, надеемся на улов. Люблю тебя!

Внизу она пририсовала женскую фигуру с сердечком на весь торс. Этот неуклюжий жест порадовал меня и прогнал неприятный озноб.

После нескольких асан йоги, дыхательных упражнений и приличного сэндвича с курятиной я переоделась в купальник и шорты. Набрала в бутылку воды, накинула на плечо полотенце и прихватила книгу об острове Евлалии. Спускаясь по лестнице к пляжу, я смогла полюбоваться, как сверкает под лёгким бризом поверхность океана. Сегодня было немного прохладнее – превосходный день для морской прогулки. Но сколько я ни всматривалась в горизонт, так и не заметила лодку с мамой и Дэвидом. Я надеялась, что им весело без меня и что они не будут спешить возвращаться.

Океан шептал и манил, однако моим лёгким требовался отдых после вчерашнего. Я расстелила полотенце в тени пальмы и погрузилась в первые главы, посвящённые жестокой колонизации и торговым путям в Карибском море. Было неприятно читать про геноцид, угнетение местных жителей и рабство, процветавшее на всех окрестных островах, особенно с учётом того, что насаждавшие его люди прославлялись в школах как герои нации.

То ли из-за небольших размеров, то ли из-за трудностей навигации в этих водах остров Евлалии так и не был колонизирован, и ни в одном архиве не удалось найти исторических или археологических сведений о его коренном населении.

Оставалось лишь удивляться тому, что за тысячи лет никто не поселился на этом клочке суши с отличным пляжем и сенотом, полным чистой пресной воды.

В местной акватории учёные обнаружили странные, чрезвычайно неустойчивые магнитные поля, сбивающие с толку навигационные приборы, отчего суда начинали двигаться по бесконечной спирали. В совокупности с сильными течениями, резкими сменами погоды и необычно высокими волнами высадка на остров, как правило, связана с серьёзными трудностями.

В точности как недавно сказал Билли: остров словно сам не желает, чтобы на нём жили люди. Услышь я что-то подобное неделю назад – подняла бы этого человека на смех. И с научной точки зрения это звучало как полная чушь. Потому что остров – не более чем кучка скал, песка и пальмовых рощ посреди океана – и не может решать, кого пускать на свои берега.

Однако по необъяснимой причине я не воспринимала больше остров Евлалии как просто кучку камней, песка и пальм. Ночью Шон сказал, что я понравилась острову, и мне ужасно хотелось, чтобы это было правдой – какой бы чушью ни казалось.

Или просто дело в том, что я снова страдаю от обезвоживания. Обречённо вздохнув, я открутила крышку на бутылке с водой и ополовинила её, прежде чем вернуться к чтению. Через несколько страниц я нашла репродукцию с карандашного наброска белокурой девочки с обложки. Она сидела на толстой ветке дерева, одетая в свободную рубашку и поношенные мужские брюки. Наверное, одежда досталась ей от матросов, высадившихся на острове. Миловидная и совсем юная, несмотря на странные белые волосы, – ей явно было не больше семнадцати лет.

Портрет Евлалии, выполнен И. Бурком, лето 1762.

Что-то мелкое ударило меня по затылку и упало на полотенце. Блестящий чёрный орешек. Я заложила страницу ленточкой, оставленной Мелиндой, и выпрямилась.

– Билли?

В ответ ветки ближнего куста затряслись и зазвенел детский смех.

– Стой! – Я мигом вскочила и натянула шорты. – Не убегай!

– Ты водишь! – беспечно ответили мне.

– Нет, я не хочу играть... я просто хочу поговорить. – Я схватила с земли шлёпанцы и ринулась в ставшие неподвижными кусты, забыв про полотенце и книгу.

– Девочка? – окликнула я. – Ты здесь?

Нет ответа.

– Пожалуйста, не убегай! – Я надела шлёпанцы. – Ну хорошо, давай поиграем, если хочешь. И я буду водить. До скольких мне считать?

Из куста лимонно-жёлтых лилий появилась ящерица и полезла вверх по древесному стволу.

– До двадцати? – спросила я. – До тридцати?

– До двадцати одиннадцатых! – пискнула девочка и ринулась наутёк через кусты.

– Хорошо. – Я прислонилась к стволу и закрыла глаза руками. – Один... два... три...

Досчитав до пяти, я оглянулась. Хотя ветра не было и в помине, ветки кустов раскачивались гораздо сильнее, чем если бы их потревожила убежавшая малышка. Как будто сам остров участвовал в игре, помогая ей прятаться.

– Восемнадцать... девятнадцать... – я повернулась и стала пробираться сквозь густую листву. Моментаً измазавшись соком, я невольно ускорила шаг.

– Двадцать девять... двадцать десять... – оказавшись на полянке, я поискала отпечатки на земле, прежде чем осмотреть кроны над головою. Там выписывали ленивые спирали сотни бабочек и прочих любителей сладкого. – Двадцать одиннадцать! Кто не спрятался, я не виновата!

Откуда-то из лесной чащи раздался вопль. Я ринулась туда, отталкивая от себя ветки, сшибая бабочек, стараясь пробиться напрямую в самое сердце острова.

– Смотри, прячься хорошенько! – крикнула я. – Потому что я вожу лучше всех!

Её хихиканье горохом рассыпалось под пологом леса, и я ориентировалась на него, пока не выскочила на узкую тропку, по которой мы вчера ехали на гольф-каре.

– Кто не спрятался, я не виновата! – повторила я.

– Ни за что меня не найдёшь! – взвизгнула она.

К тому времени, как я добралась до долины с развалинами дома Уэллсов, липкий пот стекал у меня по шее в три ручья. Я бегом спустилась к дому, но стоило проскочить в окно, заплетённое корнями, как по коже пополз холодный, пропахший мхом воздух. Из-за дома послышался сдавленный писк.

– Ага, вот ты где! – крикнула я.

Писк превратился и хихиканье, какое-то очень уж визгливое и восторженное. И не очень человеческое. Мне стало не по себе, и даже захотелось развернуться на месте и сбежать обратно на пляж. Через кухню наружу пронёсся вихрь каких-то серых лохмотьев. Но стоило мне кинуться вдогонку, как нога зацепилась за корень, которого явно не было там секунду назад – и я кубарем покатила по земле.

– Осторожнее! – Её голос так неожиданно стал совершенно безразличным, что я остолбенела.

«Ааа-ди-ди-ди!» – заливались птицы.

Я встала, выпуталась из корня толщиной не меньше моей руки, и лишь потом смогла шагнуть в дом. Раздражающее детское хихиканье слышалось откуда-то слева, но я не смогла ничего разглядеть в той стороне.

– Плоховато ты водишь! – прошептала она.

И тут мой взгляд прикипел к серому личику: подбородок упирался в землю, а на лбу расположился здоровенный паук. И что-то в этом лице было очень, очень неправильным.

Это было лицо трупа.

При виде того, как раскрывается чёрный провал рта, я сама подавилась истошным воплем. Это было совершенно невозможным, но я ещё никогда в жизни не была так уверена в том, что вижу мертвеца. Я не обезвожена и не в бреду. И Билли не вешал мне на уши лапшу. Я играю в прятки с мёртвой девочкой.

– В... Вайолет? – Я присела на корточки, поскольку ноги меня не держали.

– Что? – Её беззубый оскал стал ещё шире.

– Как ты это делаешь? – Я снова сглотнула комок в горле. – Как будто ты... будто ты взяла голову и положила на землю. Ты ведь не можешь просто снять голову, правда?

Она буквально взывала от хохота, а потом её голова поднялась с земли, и стали видны плечи. Остальное тело также принадлежало труп: испачканное в земле, с обвисшей кожей, покрытой синими пятнами. Ростом она была ровно с мою кузину, отчего мне сделалось ещё страшнее. Даже подумать о том, что Грейс могла бы выглядеть вот так, казалось невозможным, и мне едва хватало выдержки, чтобы не обратиться в бегство. Честное слово: если бы я с самого начала могла бы вот так рассмотреть Вайолет, в жизни не отважилась бы гоняться за ней по лесам.

– Я спряталась на лестнице, – прошептала она, сняла паука со лба и сунула его в карман фартучка. – Смотри!

Она показывала на что-то у себя под ногами, но я не смогла двинуться с места.

– Не бойся, – продолжала она. – Мама не любит, когда мы играем на лестнице, но если не зевать, то и не провалишься.

– Твоя мама тоже здесь, на острове? – У меня заledenела спина.

– Нет. – Вайолет скорбно вздохнула. – Мама пропала давным-давно. И я почти всегда одна.

Я невольно придвинулась, всё ещё содрогаясь при воспоминании о голове без тела, но не в силах не поддаться жалости к этой неуспокоенной, потерявшей маму малышке. Рядом с грязной босой ножкой Вайолет обнаружилась квадратная дыра в земле, незаметная под густым подростом. В темноту вели бетонные ступеньки. И прежде чем я успела что-то сказать, Вайолет прыгнула в дыру и пропала.

– погоди! – крикнула я.

Из дыры дохнуло влажным воздухом с густым кошмарным запахом. Где-то глубоко внизу я услышала плеск воды.

– Игра окончена! – крикнула я. – Я тебя нашла. Пожалуйста, вылезай.

– Ты меня не осалила! – игривый голосок Вайолет был едва различим в порождённом им же эхе.

Я тёрла и тёрла глаза, пока в них не замелькали тёмные мушки, не в силах поверить, что это происходит наяву. Что мне предстоит прожить ещё две недели на острове с привидением. И хотя Вайолет скорее вызывала брезгливость и жалость, чем страх, это несколько не улучшало положения. Не иначе как меня кто-то сглазил как раз перед тем, как я чуть не утонула.

– Аддии-дии! – окликнула она. – Иди сюда!

Стараясь не обращать внимания на рвотные позывы, я сунула голову в зловонную дыру.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я люблю подслушивать, – заявила она. – Мама говорит, что это отвратительная привычка, но мамы больше здесь нет. Ты не знаешь, как мне её найти?

Голос Вайолет удалялся, и мне пришлось наклониться ещё ниже, чтобы её услышать.

– Нет, извини, – отвечала я. – Но если бы ты вылезла, мы могли бы об этом поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.